

ЕЖЕНЕДЕЛЬНИК

СОВЕТСКОЙ ЮСТИЦИИ

АДРЕС РЕДАКЦИИ и КОНТОРЫ:

Москва, Кузнецкий М., 7. Телефоны: { Редакции 2-80-42.
Конторы 3-18-42.

Подписная цена на год . . . . . 11 р. 50 к.
„ „ полгода . . . . . 6 р. — к.
Для „судработников“ при условии подписки на год . . . 8 р. 50 к.
„ „ „ при подписке на полгода. . . . . 4 р. 80 к.

№ 10

14 марта 1926 года.

№ 10

Нужна ли реформа военно-судебных учреждений.

Вторая сессия ЦИК СССР при рассмотрении вопросов судостроительства Союза ССР и союзных республик постановила: для рассмотрения дел о воинских преступлениях при округах, корпусах, фронтах, отдельных армиях и флотах, а также при дивизиях образуются военные трибуналы, действующие на основании положения, издаваемого в порядке общесоюзного законодательства, на основе положения о Верховном Суде (ст. 21 Основ судостроительства Союза ССР и союзных республик).

Из приведенного текста закона явствует ясное указание нашего законодательного органа о подсудности военным трибуналам различных наименований исключительно дел о воинских преступлениях. Между тем, сейчас группа ответственных товарищей разработала законопроект, значительно расширяющий подсудность военных трибуналов. Так, авторы проекта добиваются того, чтобы в военных трибуналах, помимо воинских преступлений, рассматривались дела о государственных и должностных преступлениях, о бандитизме, а также о хищениях из государственных складов при условии, если «преступления эти совершены военнослужащими и угрожали крепости, мощи или военной дисциплине Красной армии».

Законопроект, таким образом, совершенно видоизменяет содержание деятельности военных трибуналов. И потому было бы естественно, если бы авторы его в объяснительной записке или каким-либо образом доказали необходимость предлагаемой ими реформы. Они должны были бы доказать, во-первых, количественный рост в Красной армии преступлений, рассмотрение которых, по их мнению, следует передать в военные трибуналы. А этого они доказать не могут. И не потому, что слаба у нас статистика, а потому, что некоторые указанные ими категории преступлений в нашей армии вовсе не имеется (в частности, преступле-

ния государственные), а других—ничтожное количество.

На ряду с этим нужно было бы доказать, что общесудебные установления не в силах справиться с теми преступлениями, передачи коих в военные трибуналы требует группа товарищей.

Передача дел в военные трибуналы, по мнению авторов законопроекта, возможна при условии, «если преступления эти совершены военнослужащими и угрожали крепости, мощи или военной дисциплине Красной армии». Такая формулировка слишком обща, а потому и неприемлема.

Спрашивается, кто будет устанавливать, что данное преступление «угрожает крепости, мощи или военной дисциплине Красной армии»? Военное ли командование, судебные учреждения или прокуратура? Если суд или прокуратура, то общегосударственная или военная; если командование, то в каком порядке прокуратура, как орган надзора, может обжаловать постановление командования? Не явится ли в таком случае опасность подчинения суда военному командованию? Не будет ли это угрозой сделать суд органом, находящимся в зависимости от военного командования?

Целый ряд организационных и даже конституционных вопросов возникает в связи с предложенным проектом. Но авторы обходят эти вопросы, не дают никакого обоснования своим требованиям.

Неизвестно, что является основанием для создания военной юрисдикции—характер ли самого преступления или необходимость оберегания мощи, крепости и дисциплины Красной армии. Неизвестно, требуется ли для предания военному трибуналу наличие трех последствий (угрозы крепости, мощи и дисциплине) одновременно или достаточно одного из перечисленных последствий? И если достаточно только одного последствия, то пусть укажут мне разницу между крепостью и мощью, а также пусть

скажут, почему дисциплину армии могут расшатать только преступления государственные, должностные или хищения из государственных складов, а не могут к тем же последствиям повести и иные преступления. Разве пьянство, буянство, хулиганство, простая кража и т. д. не могут подорвать дисциплину в Красной армии? Коли исходить из приведенных законопроектом условий, тогда не нужно выделять определенную категорию преступлений и передавать их на рассмотрение военных трибуналов, а нужно вопрос поставить коренным образом. Либо признать, что общесудебные учреждения могут вести борьбу со всеми преступлениями и лишь во имя целесообразности выделяется узкий круг преступлений—военские преступления, которые рассматриваются военными трибуналами; либо стать на точку зрения буржуазного закона, согласно которого военным служащим за все преступления предаются военному трибуналу. Но для всех ясно, что мы не можем пойти по пути построения ведомственных или, как некоторые говорят, кастовых судов.

Наш законодательный орган, ЦИК СССР, изданием закона о военных преступлениях подтвердил, что военскими преступлениями признаются: преступления военнослужащих РККА и РККФ, «направленные против установленного порядка несения военной службы, если притом эти преступления по своему характеру и значению не могут быть совершены гражданами, не состоящими на военной или военно-морской службе».

Из приведенного текста видно, что законодатель поставил определенные и очень узкие рамки специфически военной подсудности. Даже не все преступления «против установленного порядка несения военной службы» по закону считаются военскими преступлениями, а лишь те, которые могут быть совершены исключительно лицами, состоящими на военной или военно-морской службе.

При таком отчетливо выраженном взгляде законодателя необходимы серьезнейшие данные, которые могли бы доказать ошибочность или устарелость точки зрения законодателя. Этих данных нет. Закон о военных преступлениях, ограничивая подсудность военных трибуналов, подчеркивает отсутствие различий между гражданином СССР, стоящим у станка или держащим винтовку в руках, подчеркивает теснейшую связь между армией и всей страной. И вынимать хотя бы одно звено этой связи значит ослабить эту связь, что, конечно, немислимо и вредно для всей нашей страны. Вот почему домогательства авторов не только не обоснованы, но и являются шагом назад сравнительно с существующим положением вещей.

Авторы законопроекта, расширяя подсудность военных трибуналов, вместе с тем вводят еще одно новшество. Они считают необходимым создание единой кассационной инстанции в лице военной коллегии при Верховном Суде СССР.

По действующему закону, кассационной инстанцией по всем делам, рассматриваемым в военных трибуналах, являются верховные суды союзных республик, при чем в целях единообразия карательной политики обеспечивается участие представителей военных трибуналов при кассационном рассмотрении. Таким образом, излишни разговоры о необходимости создания единой касса-

ционной инстанции во имя единообразия карательной политики в воинских частях. Это единообразие действующим ныне порядком обеспечивается вполне.

Между тем, передача военной коллегии Верховного Суда СССР прав кассационной инстанции, во-первых, урезывает права верховных судов союзных республик и, во-вторых, является шагом назад, так как удаляет окончательный приговор от момента совершения преступления, что само по себе должно умалять авторитет вообще всякого судебного учреждения.

По любому, хотя бы мелкому правонарушению, где бы оно ни совершилось, принести жалобу можно будет только в Москву. В результате такого отдаления суда от населения обжалование приговора будет зависеть не от вопроса, правилен ли приговор или нет, а только от меры наказания. Если принята трибуналом низшая мера, то невыгодно обжаловать, так как до Москвы далеко, а еще кто знает, чем это кончится в Москве. А потому лучше беспрекословно сесть в тюрьму, если ты совершил маловажный проступок. Другое дело, если совершено крупное преступление. Тогда хищник, шпион и т. п. получает привилегию, он может позволить себе роскошь обжаловать приговор. Ему все равно, будет ли дело рассматриваться в Москве, в Харькове или где-либо в ином месте. Времени у него достаточно, он может обжаловать, ему торопиться некуда. Конечно, с такой привилегией не могут примириться ни наше правосознание, ни борьба за революционную законность. Второй момент, на который необходимо обратить внимание, это следующий: проект извращает нашу национальную политику. Чем дальше, тем больше наши воинские части будут превращаться в национальные части. Понятно, что судоворение в трибуналах этих дивизий будет происходить на языке населения данной республики. В результате же превращения военной коллегии Верховного Суда Союза в единую кассационную коллегию либо трибуналы должны будут все свое следственное и судебное производство вести на русском языке, либо кассационная инстанция при разноплеменности нашего Союза лишена будет возможности проверить как все дело, так и основательность кассационной жалобы.

Характерно выявившееся на совещании военно-судебных работников мнение товарищей, работающих в Закавказских республиках. Представитель Армении (т. Богдасаров), представитель Азербайджана (тов. Салаев), представитель трибунала Кавказской Краснознаменной армии (т. Татарицев), т. е. все те товарищи, которые ведут свою работу в национальных республиках, категорически возражали против предлагаемой теперь реформы, указывая на невыдержанность позиции с принципиальной стороны, а также на то, что реформа, буде она осуществится, вызовет целый ряд весьма серьезных практических затруднений.

Когда в дореволюционное время существовал главный военный суд, являвшийся, между прочим, и кассационной инстанцией для военно-окружных судов, то это было понятно. Ибо тогда военный суд был учреждением кастовым, тогда армия была «вне политики», т. е. была орудием борьбы с народными массами. Теперь же нечто совсем иное. Главный военный суд, по крайней мере, формально

имел основание считать себя кассационной инстанцией, так как суд был «русский» не только как один из органов, осуществляющих колонизаторскую политику царизма, но и потому, что он велся на русском языке. Теперь эти моменты уничтожены навсегда. И нам нужно суд строить по образу и подобию нашему, советскому.

С созданием в военной коллегии Верховсуда СССР кассационной инстанции должна измениться в корне вся структура Верховного Суда Союза. Ибо каковы будут отношения военной коллегии к пленуму Верховсуда Союза, остается неизвестным. По ст. 16 положения о Верховсуде Союза все принципиального характера циркулярные распоряжения подлежат обязательному обсуждению в пленарном заседании Верховного Суда Союза ССР. По положению о Верховном Суде РСФСР, к компетенции пленарного заседания относится: правильное истолкование законов по вопросам судебной практики, возбуждаемым отдельными коллегиями или отдельным составом судебного заседания той или иной коллегии, или по представлению президиума Верховного Суда, Прокурора Республики и его Помощника, состоящего при Верховном Суде (ст. 99

положения о судоустройстве РСФСР). Аналогичное положение должно создаваться с делами военной коллегии новой организации. Спрашивается, как возможна будет совместная усиленная работа Верховного Суда, если пленум Верховсуда СССР собирается шесть раз в год.

Конечно, о плодотворной работе при таких условиях говорить невозможно. А, между тем, вопросы о правильном истолковании законов по вопросам судебной практики могут возникать в кассационной инстанции весьма часто.

Отсюда естественный вывод: либо военную коллегию не наделять правами кассационной инстанции, либо военную коллегию при Верховном Суде СССР уничтожить, создать учреждение, по характеру своему сродное главному военному суду, т.е. сократить функции Верховного Суда СССР. Второе сделать невозможно, ибо это противоречит нашему правосознанию. Вывод лишь один: верховные суды союзных республик должны и впредь оставаться кассационными инстанциями по делам, рассматриваемым в военных трибуналах.

Р. Катанян.

Судьба бесхозяйного имущества.

Новая редакция ст. 68 ГК изложена так («С. У.» 1925 г. № 92, ст. 663):

«Бесхозяйное имущество, собственник которого неизвестен или которое не имеет собственника, переходит в собственность государства в порядке, установленном специальными законами.

Имущество бесхозяйных крестьянских дворов поступает в распоряжение и пользование соответствующих крестьянских обществ взаимопомощи. В тех местностях, в которых не имеется крестьянских обществ взаимопомощи, имущество бесхозяйных крестьянских дворов поступает в распоряжение соответствующих сельских советов.

Примечание. Правила распоряжения пригудым ссотом содержатся в постановлении Совета Народных Комиссаров РСФСР от 14 мая 1924 года («С. У.» 1924 г. № 46, ст. 442)».

Новая редакция ст. 68 отрешилась от того принципа, что бесхозяйным имуществом может быть только такое, собственник которого неизвестен.

Момент неизвестности собственника базировался на предположении, что всякое имущество имеет собственника, между тем, как клад или находка, имеющие археологическое значение (напр., предметы, принадлежавшие древним народностям), очевидно, не могут иметь собственника; поэтому в новую редакцию ст. 68 внесены слова: «или которое не имеет собственника».

Затем в новой редакции ст. 68 вместо слов: «специальным законом» сказано: «специальными законами», так как порядок перехода бесхозяйного имущества к государству установлен несколькими специальными законами, а не одним специальным законом, а именно: пункт 6 постановления СНК от 14 мая 1921 г. в его позднейшей редакции от 11 июля 1922 г. («С. У.» 1922 г. № 44,

ст. 544) установил общее правило, что конфискуемые по суду и в административном порядке предметы питания, первой необходимости и сельского хозяйства подлежат зачислению в натуральный фонд социального обеспечения, при чем предметы, неоплаченные акцизом, передаются Народному Комиссариату Социального Обеспечения по уплате им акциза.

Номенклатура (перечень) подлежащих зачислению в натуральный фонд социального обеспечения предметов весьма подробно перечислена в постановлении СНК от 10 июля 1923 г. («С. У.» 1923 г. № 77, ст. 745), которое подтверждает номенклатуру, изложенную в постановлении СНК от 19 июня 1922 г.

Порядок зачисления в натуральный фонд социального обеспечения указан в инструкции СНК от 11 июля 1921 г. («С. У.» 1921 г. № 53, ст. 320), сохраняющей и теперь свое обязательное значение, за исключением тех частей, которые ссылаются на органы, теперь ликвидированные (напр., комиссии использования, продовольственные органы, заградительные посты и т. п.).

Что следует понимать под термином «бесхозяйное имущество» указывает постановление СНК от 3 ноября 1920 г. («С. У.» 1920 г. № 87, ст. 442), носящее следы военного времени, которое относит к бесхозяйному имуществу:

а) имущество, оставленное неприятелем на поле сражения или в занятой войсками Советской Республики местности и вообще все трофейное имущество;

б) имущество, объявленное подлежащим демобилизации и демобилизованное вследствие окончания войны и минования надобности для армии и флота в подобного рода имуществе;

в) имущество, эвакуированное без указания адресата и его владельца;

г) всякого рода имущество, находящееся на складах государственных органов, если оно не входит в круг ведения данных органов или не передано данным органам на хранение тем учреждением, которое имеет право на то;

д) имущество, обнаруженное на складах,печатанных судебными и административными органами и не подлежащее возврату владельцам;

е) имущество, состоящее из неостребованного и бездокументного багажа, багажа-товара и груза на станциях жел. дор. и пристанях водного и морского транспорта;

ж) имущество, фактически оставленное его владельцем, имущество, владелец которого пребывает в безвестном отсутствии, а также имущество, владелец которого неизвестен и не может быть установлен, и вообще всякое имущество, не находящееся ни в чьем обладании.

Дополнительным постановлением от 19 ноября 1920 г. СНК приравнял к бесхозяйному имуществу все имущество бежавших за пределы Республики или скрывающихся граждан, в чем бы это имущество ни заключалось и где бы оно ни находилось, и объявил это имущество собственностью государства («С. У.» 1921 г. № 18, ст. 111).

Какие органы государства, помимо органов Наркомсобеса, должны получить бесхозяйное имущество, указано разъяснением НКЮ по Отделу Зак. Предп. и Код. № 1272 от 23/X 1924 г., данным ВСНХ в том смысле, что должна быть применена аналогия с правилами распределения имущества, переходящего к государству по инструкции СНК от 18 мая 1923 г. («С. У.» 1923 г. № 59, ст. 565) «о наследственных поплинах и о наследственных имуществах, переходящих к государству», так как нет принципиального различия между имуществом, переходящим в собственность государства вследствие его выморочности, и имуществом, переходящим в собственность государства вследствие его бесхозяйности. В этом разъяснении НКЮ указал, что бесхозяйные предметы искусства и старины должны поступать к губоно, торговые предприятия или товары должны поступать к государственным или кооперативным магазинам, наличные деньги и денежные ценности всех видов должны поступать к финотделам, функционирующие промышленные предприятия—к губсовнархозам (или отделам местного хозяйства), постройки—к коммунальным отделам (отдел местного хозяйства).

Наше законодательство устанавливает совершенно категорически, что бесхозяйное имущество не может перейти в собственность частных лиц и обществ; Гражд. Кодекс не устанавливает приобретательной давности, хотя бы бесхозяйное имущество по каким-либо причинам в течение нескольких лет находилось во владении частных лиц и обществ. Бесхозяйное имущество может у нас перейти в собственность только к государству, в лице его соответствующего органа; однако, из этого совершенно безусловного принципа судебная практика, основываясь на смысле примечания 1 к ст. 59 Гр. Код. РСФСР, делает известное исключение для тех случаев, когда бесхозяйное имущество (предметы домашней обстановки, мебель) перешло во владение трудящихся до 22 мая 1922 г. Так, определение по делу № 31932 за 1924 г. гражданской кассколлегии Верхсуда РСФСР (Сборник,

№ 95) установило, что оказавшаяся в числе бесхозяйного имущества мебель подлежит передаче отделу социального обеспечения, за исключением той части ее, которая находится в фактическом владении трудящихся и не подлежит отобранию по прим. 1 к ст. 59 ст. Гр. Код. Гражд. касс. коллегии Верхсуда РСФСР мотивирует, что в период военного коммунизма имущество переходило во владение трудящихся не в плановом порядке, с соблюдением всех формальностей и что отсутствие у таких владельцев документов, устанавливающих их право собственности на имущество, не должно влечь за собой отобрания этого имущества». Слова закона (прим. 1 к ст. 59 Гр. Код.) «или вообще перешло во владение трудящихся до 22 мая 1922 г.» должны быть понимаемы не как приобретение права собственности давностным владением, а как последующее оформление фактического перехода предметов домашней обстановки к трудящимся в количестве, не превышающем установленных местным губисполкомом норм пользования.

В прежней редакции ст. 68 ГК не было второй части, устанавливающей переход имущества бесхозяйных крестьянских дворов в распоряжение и пользование соответствующих крестьянских обществ взаимопомощи. Желая поддержать значение крестьянских обществ взаимопомощи и считая, что они наилучшим образом сумеют использовать крестьянский живой и мертвый инвентарь для раздачи его бедняцкой части крестьянства, нуждающейся в инвентаре, новая редакция ст. 68 ГК специально установила право крестьянских обществ взаимопомощи на получение имущества бесхозяйных (выморочных) крестьянских дворов.

В Гражд. Кодексе не имеется норм, регулирующих находку, и СНК РСФСР предложил НКЮ дополнить Гражд. Кодекс статьями о находке.

При выработке проекта статей о находке возник вопрос, следует ли устанавливать приобретательную давность, по истечении которой найденная вещь обращается в собственность нашедшего. Вопрос этот проектом был разрешен отрицательно, нашедший не может стать собственником найденной вещи, найденная вещь должна быть или возвращена собственнику, потерявшему эту вещь, или в случае необнаружения потерявшего перейти в собственность государства на общем основании ст. 68 Гражд. Код.

Затем возник вопрос, следует ли выдавать какое-либо вознаграждение лицу, нашедшему потерянную вещь и сдавшему находку либо собственнику вещи, либо органу государства. В разъяснении № 1156 от 20/X—23 г. НКЮ высказал взгляд, что не следует выдавать вознаграждения за находку, так как нельзя считать получение вознаграждения побудительным стимулом к возвращению находки прежнему владельцу или сдаче находки органу государства, поскольку такое вознаграждение не может достигнуть ценностного эквивалента находки. Германское гражданское уложение устанавливает минимальный размер вознаграждения нашедшему (от 1 до 5% стоимости найденной вещи), французский гражданский кодекс отвергает какое-либо вознаграждение, дореволюционное законодательство (т. X, ч. 1, свода законов), наоборот, устанавливало вознаграждение в размере $\frac{1}{8}$ стои-

мости найденной вещи. Из вышеуказанного следует сделать вывод, что даже буржуазные законодательства не придавали преобладающего значения моменту выдачи вознаграждения за находку, как это делал том X, ч. 1, свода законов.

Ныне НКЮ в проекте пересмотрел этот вопрос и предположил выдачу 10% вознаграждения нашедшему, считая, что было бы нежизненным и ригористичным для нашего быта устанавливать обязанность возвращать найденную вещь без всякого вознаграждения; но, с другой стороны, было бы чрезмерным выдавать нашедшему половину или треть стоимости найденной вещи только за то, что нашедший не присвоил находки и сдал ее по назначению. В своих отзывах по этому проекту НКВД и НКСО считают более целесообразным увеличить размер вознаграждения до 20, даже до 35% (т.е. желают больше стимулировать честность нашедшего).

Далее возник вопрос: какой следует установить предельный срок, в течение которого нашедший должен сдать найденную вещь по назначению и по прошествии которого нашедший в случае несдачи вещи должен считаться присвоителем находки. Принимая во внимание, что нашедший может сдавать найденную вещь в сельсовет, в волисполком, в органы милиции и что в местностях пустынных и отдаленных от органов государства находки возможны только в редких случаях, проект установил двухнедельный срок для обязательной сдачи найденной вещи. В своем отзыве на этот проект НКВД считает двухнедельный срок чрезмерным и предлагает заменить его трехдневным.

Далее возник вопрос, какой следует установить предельный срок, по истечении которого необъявившийся собственник теряет право собственности на потерянную им вещь, а находка переходит в собственность государства. По аналогии со ст. 430 и со ст. 434 Гражд. Код., установившими шестимесячный срок выморочности наследственной массы, проект считает целесообразным установить

такой же срок потери права собственности на находку для собственника и для перехода находки в собственность государства.

Проект не считал нужным специально регулировать те исключительные случаи, когда органы государства отказываются от принятия найденной вещи, так как вещь, по своей громоздкости непригодная для хранения, не может быть предметом находки в обычных случаях, вещь, которую из-за малочисленности не желают принимать на хранение указанные выше органы государства, не нуждается в регулировании законом перехода на нее права собственности. В своих замечаниях на проект НКВД предложил, чтобы в некоторых случаях найденная вещь сдавалась милицией волисполкомом или сельсоветом на хранение самому нашедшему.

Проект не считал нужным специально устанавливать кару (санкцию) за уклонение от сдачи найденной вещи по назначению, так как такое уклонение равносильно самовольному удержанию с корыстной целью найденной вещи (присвоению) и должно преследоваться на общем основании ст. 185 Угол. Кодекса РСФСР. В своих замечаниях на проект НКВД находит целесообразным добавить дополнительный пункт, в котором было бы указано, что несообщение о найденных вещах влечет ответственность по ст. 185 Уголовн. Кодекса.

И НКВД, и НКСО считают необходимым указать, что нашедший должен получить вознаграждение за находку не только в случае сдачи вещи потерявшему ее собственнику, но и в случае сдачи вещи органам государства, и что в этих случаях вознаграждение должен выдавать орган государства; проект же умалчивает об этом обстоятельстве, в виду невыясненности, из каких сумм и по какой оценке органы государства должны выдавать вознаграждение нашедшему, и предоставляет этот вопрос регулировать вне Гражд. Кодекса.

И. Кобленц.

Ответственность двора по выплате алиментов.

В «Ежен. Сов. Юст.» № 48—49 1925 г. помещена статья за подписью И. Л., в которой автор, возражая против отнесения ответственности по алиментам на весь двор, указывает в своей статье последствия такого порядка ответственности: искусственные и необходимые разделы, уничтожение трудового принципа и потеря заинтересованности в развитии двора остальных членов. Поэтому, по мнению автора, ответственность по алиментам должна лечь исключительно на родителей и только в размерах им лично причитающейся части двора. Едва ли можно согласиться с автором этой статьи, так как это значило бы отказ от защиты прав ребенка и оставление его на произвол судьбы, что противоречило бы основному принципу нашего законодательства. Опасения автора о том, что распространение в некоторых случаях ответственности

по алиментам на весь трудовой двор породит печальные последствия, неосновательны и стоят в явном противоречии с действительностью. В самом деле, что может дать для трудового двора искусственный раздел и каковы его последствия? Предположим, что какой-либо трудовой двор постарается отделаться от такого члена двора, который, ставши отцом ребенка, создал для него своими действиями обязательство содержать этого ребенка при отсутствии у него достаточных к тому средств, и для этого произведет раздел имущества, даже, допустим, не «искусственный», а вполне законный, этот раздел освобождает членов этого двора от ответственности по алиментам?—Нет! Ибо согласно ст.ст. 172 и 173 ныне действующего Кодекса законов об актах гражданского состояния выплата алиментов детям ложится в известных случаях на родственников

независимо от того, состоят ли они членами одного трудового двора или нет; и так как трудовые дворы почти исключительно состоят из родственников, перечисленных в приведенных выше статьях, то, спрашивается, какой цели достигают такие искусственные и неискусственные разделы? Никакой, ибо раздел, будь он искусственный или неискусственный, от ответственности их все равно не освобождает, а раз это так, то и бояться искусственных разделов нечего. Такой же порядок ответственности родственников предусматривает и ст. 42 проекта Кодекса законов о браке, семье и опеке. Неосновательны также опасения автора и о том, что такая ответственность повлечет за собой уничтожение трудового принципа и потерю заинтересованности остальных членов двора. За всю свою практику я не помню ни одного случая, когда бы двор, в силу грозившей ему ответственности по алиментам, прекращал свое существование или хотя бы частично сокращалась его заинтересованность в развитии хозяйства, несмотря на то, что закон, предусматривающий ответственность родственников в этих случаях, существует с 1918 года и применяется на практике.

Если принять положение, предлагаемое автором статьи, т. е. перенести ответственность по алиментам лишь на родителей и только в размерах причитающейся им доли двора, то тогда мы действительно породим искусственные разделы дворов, ибо тогда такие разделы или разделы вообще будут иметь значение. Например, один из членов двора, имея в виду ответственность по содержанию ребенка, порешит во что бы то ни стало избавиться от нее, и для этого к его услугам будет раздел двора, т. е. выделение им своей части, но не для того, чтобы из этой части платить алименты, а специально для того только, чтобы не платить. Так как статья 76 Зем. Кодекса допускает выплату следуемой части имущества деньгами, то нежелающему платить алименты стоит только написать раздельный акт, обозначить в нем часть причитающегося ему имущества, перевести все это на деньги и расписаться в получении их. Вот вам самый наискусственнейший раздел в наизаконнейшей форме. В результате ответчик формально перестает быть членом трудового двора, хотя и будет попрежнему проживать в нем; части имущества у него уже нет, алименты

взыскивать не из чего, и налицо полная необеспеченность ребенка и отчаяннейшее положение матери, и можно смело сказать, что при таком положении ни одна мать не сумеет получить на содержание ребенка ни одной копейки. Не забудьте также, что против такого искусственного раздела не только не будут возражать невинные родственники—члены трудового двора, но, наоборот, они вполне сознательно, по собственной инициативе, создадут такой раздел и обеими руками подпишут фиктивный акт. По работе непосредственно в деревне мне хорошо известны случаи признания отцовства и иски на содержание детей. Почти каждый отец, представ перед судом, прежде всего заявляет, что имущества никакого он не имеет, живет при отце, которому и принадлежит все имущество. Немного более опытные из них поступают несколько иначе. Они, представ перед судом, прежде всего представляют суду раздельный акт, составленный несколько месяцев или даже несколько дней тому назад, т. е. в то время, когда он почувствовал опасность. Это говорит за то, что, чувствуя себя бессильным опровергнуть факт грозной действительности, ответчик хватается за самое верное средство—сделать себя неимущим.

В связи с дискуссией по проекту Кодекса законов о браке, семье и опеке вопрос этот у нас в деревне вызывал самые горячие возражения со стороны крестьян, которые целиком были против ст. 42 проекта. Но значит ли это, что это так и должно быть? Ни в коем случае. Ведь на сходах и собраниях мы слышим голос крестьян, голосующих против этого закона из опасения, что предусмотренная им ответственность родственников по алиментам может, как снег на голову, обрушиться на них же самих; иначе говоря, сами ответчики решают вопрос: платить ли им долги или не платить. Конечно, каждый из них скажет, что лучше не платить.

Мне кажется, что, поскольку закон этот устанавливает принудительные нормы и в основу его положена защита тех, кто не может непосредственно отстаивать свои права и интересы, он должен быть проведен в жизнь вопреки всем возражениям.

В. М.

Прекращение брака по проекту Кодекса законов о браке, семье и опеке.

В происходящей в настоящее время дискуссии по проекту нового Кодекса законов о браке, семье и опеке обсуждаются до сих пор почти исключительно основные положения проекта: статьи 1 и 2.

Я останавливаюсь на одной из деталей, на вопросе о порядке развода (прекращения брака) по одностороннему желанию одного из супругов. Проект выдвигает передачу такого прекращения брака из народного суда в органы ЗАГС. В объяснительной записке НКЮ 2-й сессии ВЦИК XII созыва говорится по этому поводу следующее: «проект упрощает процедуру развода, передавая ее в органы ЗАГС, которым поручена и регистрация брака. Вызов стороны для развода заменяется уведомле-

нием другого супруга в тех случаях, когда развод производится по инициативе одного из них. Чтобы устранить необходимость обращения в суд или к нотариусу для установления взаимного соглашения об имущественных последствиях развода и положении детей, органам ЗАГС'a предоставляется право регистрировать соглашение супругов по этим вопросам с приданием этим соглашениям бесспорного характера и с оставлением за детьми и супругами права отыскивать судом полностью, что следует, если соглашение умаляет их права.

Основная мысль, которая проводится в объяснительной записке НКЮ,—«упрощение процедуры развода». Получится ли реальная польза от такого

«упрощения»?—По нашему мнению, нет. Приведем лишь некоторые моменты, доказывающие, что положение об упрощении в этом случае несостоятельно. Первое препятствие—слабость местных органов ЗАГС'а. По этому поводу, в виде справки, приведу следующее воспоминание из своей практики: во второй половине 1924 года, когда предполагалась реорганизация НКВД, нам, работникам юстиции на местах, пришлось вынести сильную борьбу против проекта передачи функций местных органов ЗАГС'а в народные суды. Основным мотивом необходимости такой передачи выдвигалась слабость аппарата низовых советских ячеек, призванных к регистрации актов гражданского состояния. Рассчитывать, что за полтора года положение этих органов очень сильно изменилось к лучшему, нет достаточных оснований. Второе: устранение необходимости обращения в суд, при достижении разводящимися супругами соглашения об имущественных последствиях развода и положении детей—будет только кажущееся. Кстати заметим, что при достижении соглашения по этим основным вопросам, очевидно, супруги будут обоюдно согласны на развод и пойдут вместе в ЗАГС. Даже в объяснительной записке и статьях проекта видна неуверенность в этом «устранении». Так, в ст. 17-й проекта говорится: «это соглашение не лишает права каждого из бывших супругов и детей отыскивать впоследствии в общеисковом порядке причитающееся им содержание, если последнее превышает размер, предусмотренный соглашением». Ст. 18 проекта, при неисполнении изложенных в соглашении обязательств отсылает заинтересованных лиц в народный суд «для получения судебного приказа». Но особенно хара-

ктерной является ст. 19 проекта, которую приведем здесь целиком: «При отсутствии соглашения вопрос о размерах содержания детей разрешается в общеисковом порядке, при чем судья, одновременно с принятием искового заявления, выносит сообразно обстоятельствам дела и в интересах детей определение о том, кто из родителей и в какой мере обязан до разрешения спора нести расходы по содержанию детей и у кого дети временно должны оставаться на воспитании, и определяет размер содержания нуждающемуся нетрудоспособному супругу».

Теперь поставим перед собой вопрос: много ли в практике нарсудов таких случаев; когда при расторжении брака по просьбе лишь одного из супругов разводящиеся «взаимно соглашаются» об имущественных последствиях развода и положении детей. Хотя у нас подробных статистических данных на этот счет не имеется, но полагаю, что не будет большой ошибкой, если определить цифру взаимных соглашений не выше 20 проц. общего количества указанной категории дел. Следует ли из-за этих (сомнительно устойчивых) 20 проц. гонять остальные 80 проц. супругов сначала в ЗАГС, а потом в народный суд? По нашему мнению, нет, т. к. это тяжело отзовется в первую очередь на детях, создавая для них неизбежно временно неопределенное положение: отец и мать развелись, а у кого должны будут находиться дети, неизвестно.

Вывод: развод по ходатайству одного из супругов необходимо оставить в нарсуде, а не передавать в органы ЗАГС'а.

Д. Карманов.

Вопросы упрощения уголовного процесса.

(Продолжение *).

При такой полноте прав, которые закон дает прокурору в отношении предварительного следствия и которые прекращают его роль хозяина в предварительном следствии лишь после полного его окончания, представляется несколько странным положение, содержащееся в ст. 133, осложненное к тому же положением, имеющимся в ст. 205. Обвиняемый не разыскан, предпринятые меры к розыску не увенчались успехом. Но это отнюдь не означает, что дело кончилось. И вот, если бы розыск обвиняемого вызывал прекращение преследования, тогда еще понятно было бы направление дела в суд для его ликвидации. Но поскольку о ликвидации его не может быть и речи, поскольку сегодняшний безуспешный розыск завтра уже может дать положительные результаты, нет решительно никакого смысла посылать дело в суд. Что по существу может сделать последний кроме вынесения определения о приостановлении? Конечно, ничего. Поэтому значительно проще и безусловно без всякого ущерба для дела будет направление последнего в указанном случае подлежащему прокурору, тем более, что он сможет лучше разобраться и в том, все ли меры исчерпаны к розыску и дополнить их от себя нужными мерами.

Прокурор выносит постановление о приостановлении дела. Где оно будет храниться—у него или у следователя—не так важно, но безусловно меньшие преимущества в смысле возможности быстрого восстановления производства дает хранение дела в суде. Предлагаемым изменением с суда снимается совершенно ненужная работа по приостановлению дела и по возобновлению его после розыска.

При этом изменении конец ст. 133 получает такую редакцию: «При безуспешности розыска следователь производит необходимые следственные действия по делу и представляет дело подлежащему прокурору для разрешения вопроса о дальнейшем его движении».

Мы сознательно оставляем в редакции слова «о дальнейшем движении», а не заменяем их словами «о приостановлении». Сохраняемая формулировка, понятно, более широка и допускает не только приостановление, а и полное прекращение дела, а о предоставлении и такого права прокурорскому надзору мы будем говорить дальше.

В связи с изменением ст. 133 должна получить новую формулировку и ст. 205, каковая и представляется нам в следующем виде:

«Приостановление предварительного следствия, а равно и возобновление его после устранения

*) См. № 9 «Еж. Сов. Юст.».—Печатается в порядке обзужден. Ред.

обстоятельств, вызвавших приостановление, производится подлежащим прокурором».

И здесь опять-таки мы сохраняем сознательно более широкую формулировку, допуская приостановление прокурором дела не только в случаях не розыска обвиняемого, а и при всех остальных обстоятельствах, вызывающих приостановление, т. к. указанное право, по нашему мнению, должно предоставляться прокурору во всех случаях.

Еще меньшие основания имеются для сохранения в настоящем виде таких статей, как 148 и 220. Больше того, можно сказать, что положения, в них содержащиеся, находятся в противоречии с теми мероприятиями, которые были признаны желательными в области упрощения процесса V съездом и которые исходили из необходимости полного и реального соподчинения органов, ведущих предварительное исследование преступления. В самом деле, если такое соподчинение проводится, то к чему допускать предусматриваемые ст. 148 разногласия между прокурором и следователем по вопросу об избрании меры пресечения? И дальше, если даже допустить возможность разногласий, то к чему переносить эти разногласия в суд? Несомненно, уж более правильно в этом случае перенести его по инстанции, т. е. к вышестоящему прокурору, и постановление последнего сделать, во всяком случае, обязательным. Нам, однако, кажется, что и этого допустить не следует. Прокурор наблюдает за отдельными следственными делами, он по закону руководит следователем, и поэтому за ним должно быть оставлено непререкаемое право вообще на всякое по делу предложение и, в частности, на предложение об избрании или изменении меры пресечения. Для последней фразы ст. 148 и ее примечания не должно быть места в Кодексе и не только как для срывающих необходимую полноту соподчинения, но и как для усложняющих процесс.

Точно также можно сказать и о ст. 220. Нельзя создавать для жалобщика почвы для бесконечного сутяжничества: действие следователя обжаловал прокурору, действия последнего—суду, на определение суда принес частную жалобу. Конечно, устранить возможность обжалования также нельзя. Но вполне достаточно ограничить эту возможность подачей жалобы только в одну инстанцию, а таковой в отношении следователя является прокурор. То решение, которое вынесет он по жалобе, и должно быть признано окончательным и подлежащим исполнению.

Для несогласия следователя с постановлением прокурора по жалобе, как и для несогласия с предложением о мере пресечения, места быть не может: следователь должен постановление прокурора принять, как обязательное.

Ст. 220 должна быть, как и 148, лишена своей второй части.

Те же соображения, которые приводились нами в отношении вышерассмотренных статей, в равной мере относятся и к ст.ст. 171 (примечание) и 179. Поскольку ими регулируются отдельные моменты предварительного следствия в целях внесения большей четкости и опять-таки в целях упрощения процесса из них совершенно должно быть исключено упоминание о суде, ибо трудно представить себе тот

случай, когда, напр., следователь по вопросу об определении подлежащих предъявлению эксперту материалов предварительного следствия, за которым прокурор ведет наблюдение, найдет нужным адресоваться в суд. Совершенно ясно, что суду для разрешения этого вопроса надо будет ознакомиться со всеми материалами, что по этому вопросу надо будет созывать распорядительное заседание. Эти действия его не находят себе никаких объяснений.

И еще более странной является ст. 179, которая предусматривает оглашение следователем перед производством обыска или выемки постановления своего или подлежащего суда. Почему здесь совершенно не упомянут прокурорский надзор, с какой стороны здесь к делу привлекается суд, в каком, наконец, порядке он, не зная материалов следствия, будет выносить упоминаемое в статье постановление, все это представляется до крайности неясным. Во всяком случае, какой-либо пользы для дела усмотреть в этом порядке нельзя. Лучшим подтверждением правильности нашего предложения об исключении из данной статьи упоминания о суде и замене суда прокурорским надзором мы находим в статье 186 этой же главы. Там предусматриваются случаи наиболее серьезной выемки—почтово-телеграфной корреспонденции—и тем не менее законодатель отсылает следователя за разрешением не в суд, а только к прокурору.

Так как следующая по очереди глава XVI—«Определение психического состояния обвиняемого»—непосредственно связано с главой XVII—«Об окончании предварительного следствия» и те предложения, которые мы внесем по этой главе, будут более ясными после разбора главы XVII, мы и допускаем отступление от намеченного порядка изложения и прямо переходим к главе XVII.

Первый вопрос этой главы—вопрос о порядке прекращения дела, предусматриваемом ст. 203. Еще в 1924 году вопрос об изменении этого порядка ставился т. Эстриным в его статье «Как улучшить и упростить наш уголовный процесс» («Еж. Сов. Юст.» № 49). «Дознание теперь,—писал он,—будет прекращать следователь, который наблюдал за дознанием. Почему же следствие должно прекращаться распорядительным заседанием суда, а не прокурором, который наблюдал за этим следствием?.. Раньше, когда следствие было обязательно лишь по делам, подсудным губсуду, т. е. по наиболее серьезным делам, можно было в защиту существующего порядка прекращения следствий ссылаться на то, что прекращение столь серьезных дел можно доверить только суду, а не молодому еще органу—прокуратуре. Но теперь? Думается к тому же, что наша пролетарская прокуратура пользуется уже доверием трудящихся и рабоче-крестьянской власти настолько, что предоставление ей права самостоятельно прекращать следствия при наличии требуемых ст. 202 условий не вызывает никаких сомнений». Всецело соглашаясь с выставленным т. Эстриным соображением в защиту предлагаемого им изменения, мы считаем, что если год тому назад можно было уже говорить о безусловной способности прокуратуры справиться с этой обязанностью, тем меньше сомнения может вызвать эта ее способность и подготовленность в данное время. В защиту такого изменения мы приведем и еще некоторые соображения, выдвин-

гавшиеся нами в начале 1925 г. («Е. С. Ю.», № 12). Каковы положительные стороны действующего ныне порядка? Нам скажут, что он, как предусматривающий не единоличное, а коллегиальное—распорядительным заседанием—прекращение дела, содержит в себе большие гарантии правильности прекращения дела. Но так ли сложны те вопросы, обсуждение коих требуется при прекращении дела, чтобы исключалась возможность единоличного их разрешения и требовалось непременно разрешение коллегиальное? Ст. 202 устанавливает, что прекращение может иметь место при наличии одного из поводов, перечисленных в ст. 4 УПК, при обнаружении виновного и при недостаточности собранных по делу доказательств. Из поводов, перечисленных в ст. 4, все, за исключением разве указанного в п. 5, так просты, что вряд ли кто-нибудь будет отстаивать необходимость именно коллегиальной оценки их. То же, конечно, можно сказать и о случаях прекращения дела вследствие обнаружения виновного. Несколько сложнее остальные два повода: отсутствие состава преступления (п. 5, ст. 4) и недостаточность доказательств. Здесь требуется более детальное знание обстоятельств, умение строго юридически подойти к оценке их, и, конечно, решение трех человек (распорядительного заседания) в этих случаях будет более авторитетным, нежели решение единоличное. Но эта авторитетность, повторяем, обуславливается знанием дела и известной юридической подготовкой.

Не говоря уже о распорядительных заседаниях народного суда, состав которых обычно не удовлетворяет второму из названных условий и в которых решение этих наиболее сложных вопросов фактически является единоличным, мы, зная как проходит разрешение этих вопросов в распорядительном заседании губернского суда, должны прийти к выводу, что каких-либо особых гарантий правильности решений и здесь не имеется. Во-первых, за исключением докладчика, участники распорядительного заседания обычно не знают, да и не могут знать деталей дела. А раз так, то оценка доказательств остается фактически также единоличной. Во-вторых, всем известная перегруженность судов способна вызывать, да и вызывает, конечно, недостаточное детальное знание дела даже и докладчиком, который, естественно, должен при подготовке к заседанию уделять большее внимание делам, направляемым для слушания. А в этих случаях, следовательно, решающее значение имеет мнение прокурора, дающего заключение и безусловно более знакомого с обстоятельствами дела. И помнится, что при ознакомлении с протоколами распорядительных заседаний во время ревизий прокуратур дела, направлявшиеся следователями на прекращение и непрекращавшиеся распорядительными заседаниями, встречались нами как чрезвычайно редкие исключения.

Итак, отмеченная нами положительная сторона разбираемого порядка представляется ничтожной. Об отрицательной его стороне много говорить не приходится, за это говорит существующая еще перегрузка судов, а при ней требование неперменного коллегиального решения вопросов прекращения дел представляется требованием непосильной роскоши.

Разделяя точку зрения тов. Эстрина по вопросу об изменении порядка прекращения следственного дела, мы не можем согласиться с той оговоркой, ко-

торую он допускает в своей статье: «по аналогии со второй частью ст. 222 в новейшей редакции можно было бы в отношении прекращаемых прокурором дел допустить обжалование прекращения в суд потерпевшим от преступления лицом». И здесь, как говорили мы и выше, совершенно излишним и вносящим моменты непоследовательности в общую систему процесса является это допущение обжалования действия прокурора в суд. Если дело, подсудное нарсуду, прекращается знающим его прокурором, то что может дать обжалование прекращения его в суд? Конечно, ничего. Ведь мало того, что нарсудья должен изучить дело, но даже и после изучения его решение будет не более авторитетным. А, затем, мы можем в результате решения суда иметь еще и частную жалобу или протест и получить из каждого, даже быть может абсолютно ясного дела бесконечную, ничем неоправдываемую волокиту. Нам кажется, что обжалование, права на которое лишить потерпевшего нельзя, должно идти только в инстанционном порядке, к вышестоящему прокурору, и постановление последнего окончательно решает дело. И так как дела подсудности и нарсудовской и губсудовской будут прекращаться постановлением либо участкового помощника губпрокурора, либо помощника его при уголовном отделе губсуда, то предлагаемый нами порядок обжалования будет ограничиваться пределами губернии.

Вот здесь уместно коснуться и тех статей, которые мы временно оставили, статей о прекращении и приостановлении дела в силу установления невинности обвиняемого. Если мы признаем, что любое дело может быть прекращено прокурором, раз налицо условия, указанные в ст. 202, то какие же основания будут для выделения в особый порядок прекращения дел о невинных? Ведь здесь в помощь прокурору имеется такой важный материал, как заключение экспертов, в котором он, конечно, может разобраться с таким же успехом, как и распорядительное заседание. И поэтому ст. ст. 197 и 198 должны быть изменены в том смысле, что при установлении невинности обвиняемого дело для решения о дальнейшем направлении передается следователем прокурору, и последний в соответствии с измененными ст.ст. 200 и 201 может либо вовсе прекратить его, либо вынести постановление о приостановлении впредь до выздоровления обвиняемого.

Не вызывает, равным образом, сомнений и вопрос о возможности передачи прокурору права, предоставляемого ныне суду ст. 199, т.е. права на помещение больного для наблюдения в лечебное заведение. Это еще не есть мера социальной защиты, а одно из следственных действий, и почему вопрос об этом должен непременно решаться судом,—непонятно.

От разрешения в указанном выше смысле ст. 203 зависит далее и изменение ст.ст. 203-а и 204. Хотя вопрос о прекращении дела по мотивам нецелесообразности его производства или ничтожности последствий преступления, регулируемый ст. 203-а, и представляется достаточно сложным, хотя бы по невозможности точного определения пределов применения этой статьи, все же мы не видим оснований к тому, чтобы опасаться каких-либо особо-серьезных последствий от передачи разрешения судьбы дела в этих случаях прокурорскому надзору. Еще

можно согласиться с тем, что опасность прекращения по действующему порядку дел без достаточных к тому оснований менее велика по делам губсудовской подсудности, поскольку судьба их разрешается безусловно компетентной коллегией губсуда. Но зато этого нельзя сказать о делах нарсудовской подсудности, вопрос о которых фактически разрешается единолично нарсудьей, так как безусловно недостаточная подготовленность нарсудей к разрешению подобного рода вопросов не гарантирует от возможных ошибок. Но если фактически вопрос разрешается единолично нарсудьей, то почему же его не передать прокурору, который, если допустить даже равную квалификацию их обоих, больше знаком с делом? Учитывая дальше то, что дела губсудовской подсудности неминуемо доходят до губернского прокурора, проходя двух его помощников, детально знакомящихся с ними, можно сказать, что и в этих случаях гарантии правильности прекращения являются вполне достаточными.

Если прекращение дел как по ст. 203, так и по 203-а возложить на прокуратуру, то, конечно, теряет свой смысл и ст. 204 в теперешнем ее виде. Поскольку суд не участвовал в разрешении вопроса о прекращении и дела совершенно не знает, определение его о возобновлении производства, скажем, при выявлении нового доказательства будет носить характер случайный. И если к этой статье подходить с точки зрения гарантии привлекаемого от недостаточно основательного возобновления дела, то совершенно очевидно, что гарантия эта является кажущейся. Вполне достаточным поэтому для возобновления дела будет постановление прокурора, ибо трудно предположить, чтобы он легко, без всяких оснований менял свое первое постановление о прекращении.

Последняя из главы XVII статьи, которая требует изменения в том же направлении, ст. 205, но о ней мы говорили уже выше.

В своем докладе на V съезде деятелей юстиции тов. Вышинский говорил: «Никакой органической особенностью предварительное следствие не отличается от того, что называется по старой терминологии дознанием, чтобы можно было говорить, что дознание противопоставляется предварительному следствию, как область несудебная области судебной... С точки зрения (старой школы криминалистики), которая старается показать, будто дознание и следствие—неравноценные величины, неравноценные судебные явления, мы должны покончить, провозгласивши принцип, которым дознание приравнивается к следствию, как области одной и той же судебной работы... Нет никаких решительно оснований рассматривать дознание, как область низшего порядка по отношению к предварительному следствию, как области высшего порядка» (стеногр. отч., стр. 187).

И в резолюции съезда мы находим утверждение этой точки зрения докладчика. Однако, подходя с этой точки зрения к оценке некоторых статей УПК, мы должны сделать вывод, что такое приравнение этих «двух звеньев одной цепи» не проводится даже и там, где для этого, казалось бы, нет оснований.

Когда в ст. 101 мы имеем перечень статей, ограничивающих органы дознания по сравнению с органами следствия в области производства расследования, мы понимаем это ограничение: более простыми делам должны отвечать и более простые формы их расследования. Но вот, например, ст. 222, а вместе с ней и 105, определенно расходятся с указанной выше точкой зрения, подчеркивая подсобный характер дознания: органы дознания только собирают материал, а уже окончательное оформление его производит следователь, на обязанности которого лежит составление постановления о предании суду. Мы считаем, что порядок этот должен быть изменен в сторону передачи органам дознания этой функции следователя и не только для устранения указанной выше неувязки, но и для достижения большей экономности процесса. В самом деле, ведь гораздо легче составления постановления для производящего дознание, чем для следователя, у которого и без того хватает дела. Нам скажут, что мы отрываемся от жизни, не учитываем состояния органов дознания. Нет, мы это учитываем, но учитываем и безусловно растущее повышение их квалификации, учитываем, наконец, и то, что и сам закон в некоторых случаях (дела, идущие по п. 2 ст. 105) настолько полагается на органы дознания, что допускает ст. 249 возможность назначения таких дел прямо к слушанию в судебном заседании без какой-либо предварительной проверки добытых дознанием материалов. Правда, дела эти менее сложны, но если по делам, идущим в порядке п. 3, оставить контроль следователя, то при этом условии, мы полагаем, возложение обязанности составления постановления на органы дознания будет только полезным.

Резюмируя изложенное, мы предлагаем такое изменение: 1) по делам, идущим в порядке п. 2 ст. 105, орган дознания составляет постановление о предании суду и направляет дело в суд; 2) для установления хотя бы для данного времени контроля над этим производством и предупреждения попадания на судебное заседание недостаточно подготовленного материала, в изменение ст. 249 судья проверяет постановление и либо возвращает дело для исследования, либо утверждает постановление и объявляет его обвиняемому; 3) по делам, идущим в порядке п. 3, ст. 105, орган дознания также составляет постановление о предании суду и направляет дело следователю и при утверждении последним постановления дело идет в суд для слушания в судебном заседании; 4) следователю, несогласному с постановлением, по находящемуся делу достаточно расследованным, предоставляется аналогичное содержащемуся в ст. 229 право замены постановления своим; 5) следовательно в этих случаях предоставляется прево, по аналогии со ст. 231, избирать меру пресечения и поддерживать обвинение на суде.

Во избежание осложнения изложения, мы не даем текстов намечаемых к изменению статей, считая, что этот вопрос в случае, если бы наши предложения в принципе были одобрены, не составит особых затруднений.

(Окончание следует).

А. Иодковский.

Итоговая сводка материалов с мест по применению ст. 4-а УПК.

9 февраля 1925 г. УПК дополнен был ст. 4-а, предоставившей право следователю и прокурору возбуждать вопрос о прекращении дела, а суду прекращать дела, не доводя их до судебного рассмотрения, в тех случаях, когда деяние привлекаемого к уголовной ответственности лица хотя и содержит в себе признаки преступления, предусмотренного Угол. Кодексом, но не может признаваться общественно-опасным вследствие своей незначительности, маловажности и ничтожности своих последствий, а равно и в тех случаях, когда возбуждение уголовного преследования или дальнейшего производство дела представляется явно нецелесообразным.

Циркуляром Центральной Прокуратуры № 143--1925 г. было предложено местным прокурорам представить по преподанной схеме статистические данные о результатах применения ст. 4-а и, кроме того, высказать свои соображения о желательных в дальнейшем коррективах, при чем циркуляром был поставлен ряд вопросов о желательности или нежелательности:

а) ограничить применение ст. 4-а УПК лишь органами предварительного следствия, прокурорским надзором и судебными учреждениями в первой инстанции по мотивам, точно указанным в законе, а именно: незначительность по последствиям или маловажности совершенного преступления;

б) запретить применение ст. 4-а УПК в кассационных инстанциях в губсуде или Верховном Суде в порядке надзора;

в) в связи с этим обсудить и сообщить свои соображения по поводу принятого Президиумом Верхсуда предложения об издании закона, восстанавливающего принцип, впервые точно сформулированный в «Руководящих началах» 1919 г. о том, что преступления оцениваются судом в момент их рассмотрения, равным образом, и с точки зрения общественной опасности, которую будет представлять собой привлеченный по делу в момент рассмотрения дела, а не только с точки зрения, какую опасность он представлял в момент совершения преступления, в связи с чем предоставить суду право прекращать таковые дела в судебном и распорядительном заседании, раз он признает нецелесообразным дальнейшее продолжение дел по этим мотивам.

В настоящее время поступили соответствующие материалы от 30 губернских и областных прокуратур и в достаточной мере выявлено мнение мест по затронутым в циркуляре вопросам.

Прежде всего необходимо отметить, что ни одно соображение с мест не возбуждает вопроса о ликвидации ст. 4-а. Статью эту сохранить обязательно нужно. На сей счет никаких разногласий незаметно. Совсем другое—вопрос об объеме ее применения. Здесь-то скрещиваются различные и противоположные взгляды.

О допустимости прекращения дел по мотиву явной нецелесообразности.

Действующая редакция ст. 4-а допускает применение ее по троякого рода мотивам: 1) в силу незначительности деяния, 2) маловажности и ничтожности последствий деяния и 3) «а равно, когда возбуждение уголовного преследования или дальнейшего производство дела представляется явно нецелесообразным». Вопрос сводится к тому

«целесообразно ли в дальнейшем допускать столь широкое применение ст. 4-а. Целесообразно ли оставлять в дальнейшем «явную нецелесообразность»?

К сожалению, как раз на этот вопрос ряд мест никакого ответа не дает или же ответ дается уклончивый. НКЮ Дагестанской А. С. С. Р., например, высказывается против ограничения мотивов прекращения, исходя из текста действующей редакции. «Нельзя, поскольку в законе» и т. д. Аналогичные ответы получились и из некоторых других мест. Подобные ответы по существу ничего не говорят, поскольку речь идет не о том или ином казуистическом толковании «воли законодателя», а о желательности или нежелательности уточнения или даже изменения этой воли, уточнения редакции действующего закона.

Решительно за сохранение действующей редакции высказывается московская прокуратура:

«По вопросу об ограничении применения ст. 4-а УПК лишь по двум мотивам—незначительности последствий или маловажности содеянного, Мосгубпрокуратура высказывается отрицательно. Полностью соглашаясь с мнением Мосгубсуда, что «практикой судов доказана целесообразность ст. 4-а, дающей суду выход в случае противоречия между формальной буквой закона и соображениями жизненной и политической целесообразности», Мосгубпрокуратура считает, что нет каких-либо оснований для ограничения применения этой статьи. Из прилагаемой сводки видно, что 35% дел из общего числа прекращенных на основании ст. 4-а относятся к делам, утратившим свой интерес в виду давности, изменения социально-политической обстановки и пр.»

Не менее категоричен вывод прокурора Вятской губернии:

«Ст. 4-а УПК ни в каком случае не должна рассматриваться, как закон, имеющий целью исключительно способствовать разгрузке судебных органов от завазавшихся дел; в ней прежде всего следовало и следует выделять ее принципиальное значение, как процессуальной нормы, присущей исключительно советскому законодательству. Придавая такое значение ст. 4-а, необходимо момент целесообразности выдвинуть на первое место, а моменты незначительности и маловажности последствий учиненного деяния рассматривать как частные случаи. По приведенным соображениям отпадает и необходимость изменений ст. 4-а».

На той же точке зрения стоит пленум и прокуратура Псковской губернии. Но, имея в виду некоторую неясность редакции, могущую дать повод для ограничительного толкования, пленум считает необходимым:

1) Или уточнить ст. 4-а УПК, комментируя понятие нецелесообразности в смысле самостоятельного обоснования для прекращения дела.

2) Или, если таковое понятие целесообразности не соответствует смыслу ст. 4-а УПК в ее нынешней редакции, то ввести новую процессуальную или материальную норму закона, позволяющую судорганам прекращать дела в силу предусмотренных ст. 26 «основных начал 1919 г. и директивным письмом Верхсуда от 14 января 1925 г. оснований: отдаленности момента совершения преступления от момента рассмотрения дела, утраты общественного и политического значения преступления и исчезновения социальной опасности со стороны личности обвиняемого».

Пленум губсуда Смоленской губернии (точка зрения прокуратуры здесь иная) так мотивирует необходимость оставления действующей редакции:

«Материалы показывают наличие настоятельной необходимости в этой статье, как придающей особую гибкость работе судебно-следственных органов и органов прокуратуры в тех случаях, когда формально есть то или иное нарушение закона, но по существу нет надобности и целесообразности как начинать, так и вести дело».

указывая далее, что применение имело место преимущественно по делам бытовым, затрагивающим исключительно широкие массы рабочих и крестьян, и притом осуществлялось с большой осторожностью.

Однако, против указанного взгляда раздаются также возражения:

«В растяжимости понятия целесообразности и невозможности установить определенные рамки для применения ст. 4-а по признаку целесообразности, неизбежно самое широкое толкование, особенно в случаях затруднительности вести производство дознания или следствия, чем создается произвол»,

замечает прокурор ДВО и поэтому предлагает ограничить применение ст. 4-а только случаями маловажности и незначительности и, кроме того, самую статью перенести в общую часть УК.

Прокурор Смоленской губернии, вопреки мнения пленума, обращает внимание на несовместимость широкого применения ст. 4-а с проведением твердых начал революционной законности:

«Оставление целесообразности развязывает руки всем следственным органам и прокуратуре, которые, руководствуясь целесообразностью, могут возбуждать или не возбуждать уголовного преследования. Это возвращает нас к тому времени, когда не было законов и приходилось руководствоваться революционным сознанием».

При этой целесообразности, продолжает свою мысль т. Кунов, получится то, что писал Ленин о законности Казанской и Калужской, так как везде по разному будут понимать эту «нецелесообразность».

О допустимости применения ст. 4-а в кассационных инстанциях, в губсуде или Верхсуде, в порядке надзора.

Действующая редакция ст. 4-а не содержит указания насчет того, какая именно инстанция вправе применять указываемую в ней меру. На практике ее применили не только суды первой инстанции, но и кассационные инстанции, и Верхсуд в порядке надзора, хотя делали это в весьма ограниченном размере.

Спрашивается, целесообразно ли предоставить это право и кассационным?

По данному вопросу мнения в количественном отношении разделились приблизительно поровну, но все же преобладает течение, высказывающееся против ограничений. За ограничение прав кассационных и Верхсуда в указанном смысле высказались прокуратуры: Калужская, Мурманская, Калмыцкая, Владимирская, Архангельская, Псковская, Вологодская, Смоленская. Против: Ленинградская, Гомельская, Рязанская, Саратовская, Череповецкая, Иваново-Вознесенская, Курская, Вотская, Пензенская, Московская, Вятская, Тверская и некоторых др. Некоторые сообщения оставляют вопрос без ответа. На совещании камерных прокуроров по Ульяновской губ. голоса разделились пополам.

Чем же мотивируется необходимость ограничения?

«Калужская прокуратура признает нецелесообразным предоставление этого права кассационным, так как это превратило бы ее в инстанцию апелляционную».

Кассационная инстанция не разбирает дела по существу, имеет дело только с бумажным материалом, во-первых, а во-вторых, откуда жаловаться, между тем, обвиняемый не всегда может согласиться с таким исходом возбужденного против него дела (Калмыцкая Авт. обл.).

«Кассационная и Верхсуд, не разбирая дела по существу, в то же время сопоставляя совершенное преступление с губернским и республиканским масштабом, безусловно всегда могут найти незначительность последствий или маловажность совершенного преступления, в таких слу-

чаях, когда это в особенности относится к приговорам народных судов» (Архангельск).

«Часто кассационная инстанция находится за сотни верст от места разбора дела, и не разбирая такового по существу, лишена возможности учесть общественное мнение, подробности существа дела и живую характеристику обвиняемого» (Мурманск).

«Кассационная инстанция не может учесть местной обстановки» (Вологда).

Прокуратура и губсуд Смоленской губ., главным образом, основывают свое мнение на том, что основным целью введения ст. 4-а УПК явилось, да и в настоящее время является стремление по разгрузке народных судов.

Однако, против всех этих ограничительных доводов имеем ряд весьма существенных соображений. Наиболее подробно на них останавливается Саратовская губпрокуратура: «Если прекращение кассационной инстанцией дела в силу ст. 4-а есть прямой случай отмены приговора, исходя из существа дела, и теоретически как бы не соответствует назначению кассационной инстанции, по зато с точки зрения целесообразности такое прекращение можно считать вполне возможным, имея в виду ошибки в карательной политике». Далее для иллюстрации своей мысли саратовская губпрокуратура приводит следующий характерный пример:

«Секретарь сельсовета, никогда не судившийся, имевший на руках большую семью, буквально голодавшую семью и не получавший жалованья в течение нескольких месяцев, взял из кассы сельсовета в счет предстоящей уплаты жалованья 7 рублей и расстрелял их на свои нужды. Нарсуд, приняв во внимание обстоятельства дела и сократив по ст. 28 УК наказание, приговорил все же его по 1 части 113 ст. УК к 3 месяцам лишения свободы. Формальных в деле нарушений не имеется. Ни к отмене приговора, ни к смягчению наказания у кассколлегии губсуда по данному делу оснований как будто бы нет. Между тем, вопрос о целесообразности направления секретаря в исправдом для губсуда совершенно ясен, и разрешить его можно только по пути применения ст. 4-а УПК».

Высказываясь, таким образом, против ограничения, саратовская губпрокуратура вместе с тем считает необходимым сделать оговорку в том смысле, что, применяя ст. 4-а, кассационная должна учитывать условия местной преступности и важность данного преступления с точки зрения именно местного суда, дабы не нарушить местный план борьбы с преступностью и не подорвать авторитета местного суда.

Но как быть с возражением, сводящимся к указанию невозможности обжалования для обвиняемого определения кассколлегии?

Возражение это,—замечает саратовская губпрокуратура,—неосновательно, т. к. для этих, сравнительно редких случаев все же имеется возможность обжалования в прокуратуру в порядке надзора.

За нестремное сохранение права за кассационными по прекращению дела в порядке ст. 4-а высказывается и Рязань:

«Очевидность маловажности содеянного почти всегда явствует даже и при чисто кассационном рассмотрении дела. Принимая во внимание значительную неопытность наших нарсудов во многих случаях, лишение этого права судов кассационных повлекло бы за собою упразднение несомненно полезного и крайне желательного контроля в этой области».

То соображение сторонников ограничения, что кассационные имеют дело с одним лишь бумажным материалом, таким образом, парировается указанием возможности и при чисто кассационном рассмотрении дела оценить деяние. Кроме того,—замечает резолюция прокуратуры Авт. ССР

Немцев Поволжья, — «хотя кассинстанциям и приходится иметь дело преимущественно с бумажным материалом, но ведь и нарсудам 1-й инстанции в распорядительных заседаниях приходится иметь дело с тем же».

Далее указывается на обязанность кассинстанции ревизионного просмотра дела.

«Нашему законодательству чужд строго формальный кассационный процесс, вместо какового у нас существует кассационно-ревизионный порядок, необходимо связанный с рассмотрением существа дела» (Ленинград).

Но особенно единодушно выдвигается, как мотив против ограничения, слабость в ряде случаев наших судов 1-й инстанции:

«Сохранение права за кассинстанциями прекращения дел считаю необходимым потому, что... нарсудами иногда выносятся обвинительные приговоры по делам настолько ничтожным, что обвинительный приговор по ним не столько служит целям защиты общества, сколько преследует одну лишь цель придерживаться буквы закона. Но такой формальный подход к делу совершенно не соответствует запросам трудящихся масс и в их глазах только дискредитирует суд, призванный бороться за предупреждение и пресечение действительно общественно опасных деяний» (Пенза).

Или

«Желательно сохранение этого права, так как кассационная практика, дающая до 27% отмены приговоров нарсудов, говорит за то, что нарсуды иногда грешат в оценке преступления с точки зрения их общественного значения» (Курск).

Кроме того,

«Необходимо и кассинстанции избавить от вынужденной необходимости тратить энергию по делам, не стоящим такой затраты» (Вотская обл.).

О порядке прекращения дел по ст. 4-а УК.

Вопрос о порядке прекращения дел по ст. 4-а (в судебном или распорядительном заседании) особых сомнений на местах не вызывает, чем, повидимому, и объясняется то, что вопрос этот затрагивается немногими. Как показывают цифры, практика знала оба эти порядка, но преобладающее применение имело место в распорядительных заседаниях.

Так, напр., если взять число привлеченных, к которым применена ст. 4-а УПК в распорядительных и судебных заседаниях, имеем всего, по приблизительным данным 20 губ. и обл., такое соотношение: 20.715 по распорядительным и 6.650 — по судебным заседаниям.

Пленум и прокуратура Смоленской губ. настаивают на прекращении дел по ст. 4-а именно в распорядительном заседании, мотивируя тем, что:

«1. При прекращении дел в судебном заседании при вызове сторон и свидетелей теряется самый смысл применения статьи, ибо в таких случаях не достигается цель разгрузки судов от залежей дел.

2) Дела, доведенные до судебного заседания, в интересах обвиняемого, преданного суду, должны быть разрешены судом по существу.

3) Прекращение в судебных заседаниях требует излишних расходов на вызовы свидетелей, отрывает последних от занятий».

Основательность приведенных соображений, по крайней мере, в отношении подавляющего числа дел, по которым производится предварительное (до поступления их в суд) расследование (будь то дознание или следствие), навряд ли подлежит какому-либо сомнению: сколько-нибудь сносно проведенное дознание и следствие не может не выявить наличия тех условий, при которых ясна необходимость применения ст. 4-а, а коль скоро это так, коль

скоро необходимость эта к моменту распорядительного заседания ясна, трудно придумать достаточно веские доводы для дальнейшего пуска в ход сложной и дорого стоящей процедуры судебного заседания. Это может и должно, на мой взгляд, иметь место лишь в виде крайне редкого исключения.

Об оценке преступлений с точки зрения опасности в момент рассмотрения дела.

Циркуляром предложено было высказаться также по вопросу о желательности издания закона о том, чтобы преступления оценивались судом в момент рассмотрения дела не только с точки зрения, какую общественную опасность представлял привлеченный в момент совершения преступления, но, равным образом, и с точки зрения, какую опасность он представляет собою в данный момент.

Большинство ответов разделяют пожелание Верховсуда. Но с некоторыми ограничениями и оговорками. Так, напр., московская губпрокуратура, находя, что это пожелание ни в каком отношении не встречает возражений и что на практике этот принцип в большей или меньшей степени уже проводится в жизнь, чему дает достаточный простор существующая редакция ст. 45 УК (но в таком случае, спрашивается, к чему новый закон?), считает необходимой оговорку о том, что «применение этого закона или ст. 4-а в том случае, если правонарушитель в момент рассмотрения дела социально не опасен, а деяние опасно, — недопустимо».

Прокурор Владимирской губ. находит, что «рассмотрение судебным заседанием таких дел, как борьба с революционным движением агентов старого правительства, даже несмотря на явное отсутствие в них общественно-опасных элементов в данный момент, представляется необходимым, так как дела эти имеют исторический интерес и воспитательное значение для молодежи».

Иначе говоря, здесь приводится конкретный случай общего положения, сформулированного в только что упомянутой «оговорке» Мосгубпрокуратуры.

Некоторые безоговорочно присоединяются к пожеланию Верховсуда.

Такова, напр., Рязанская прокуратура:

«Раз на суде лежат высокие обязанности воспитывать правосознание трудящихся масс, — этому суду необходимо предоставить и все права выносить решения соответственно сознанию широких масс и своему собственному. При наличии соответствующего закона суд открыто скажет: «в настоящее время этот обвиняемый не опасен и суд не находит нужным применять против него те или другие меры воздействия». При отсутствии же закон. акта суд все-равно будет искать косвенного выхода из положения через применение 28 и 36 ст. УК».

Другие считают вопрос спорным, но все же более склоняются к положительному ответу.

Исходя из того, что:

«а) Наказание является мерой оборонительной (ст. 26 УК);

б) наказание имеет целью психически и физически предупредить новых нарушений со стороны нарушителя и исправительное на него воздействие (ст. 8 УК);

в) при определении меры наказания устанавливается, насколько совершенное преступление опасно именно в данных условиях места и времени (ст. 24 УК);

г) сущность давности заключается в том, что истечение известных сроков с момента совершения преступления дает основание считать личность преступника и значение преступления настолько изменившимися, что применение наказания становится излишним, — следует разрешить этот вопрос в положительном смысле. Имея же в виду, что наказание имеет своей целью также и психическое предупреждение новых нарушений со стороны

вообще неустойчивых элементов общества, каковая цель может оказаться недостигнутой, когда оценка преступлений в момент рассмотрения дела будет влечь за собой неприменение или смягчение наказания, следует против такого разрешения данного вопроса возражать.

Однако, здесь следует иметь в виду также и то соображение, что при нормальном ходе работы органов дознания, следствия и суда оба эти момента (совершения преступления и рассмотрения дела) не будут далеки друг от друга и потому особой остроты затронутый вопрос на практике иметь не будет.

И при этих условиях положительное разрешение этого вопроса будет правильным, так как в тех сравнительно редких случаях, когда это будет иметь значение, даст суду возможность оценить преступление, приняв во внимание более полные данные дела, т. е. относящиеся не только к моменту совершения преступления, но и к моменту рассмотрения дела» (Саратов).

Возражения против издания упомянутого закона основываются на том, что у суда и при действующей редакции УК достаточно возможности и простора в каждом отдельном случае входить в обсуждение степени и характера опасности совершившего преступления лица, что суд обязан сделать в силу 24 ст. УК.

Кроме того, указывается некоторыми и принципиальная нежелательность столь значительного расширения прав суда:

«Прекращение дел по нецелесообразности ведения дел вследствие изменения социально-политической обстановки не может иметь места, так как оценка соц.-политической обстановки принадлежит не судебственным органам и органам прокуратуры, а органам законодательным. Для судебных органов оценка общественно-политической обстановки предполагается данной в освещении соответствующего закона, коим он и должен руководствоваться в данном случае (ст. 44 и 2 УПК). Судебственные органы могут принимать во внимание не общеполитическую обстановку, а обстановку, указанную в ст. 24 УК, рассматривая ее под углом зрения п. «а» ст. 8 УК».

читаем в резолюции прокуратуры Дагестана, кроме того, подчеркивающей то обстоятельство, что затяжной характер собирания материалов наблюдается как раз по наиболее сложным делам.

Таковы в почти исчерпывающих чертах соображения мест по вопросам, предложенным циркуляром НКЮ № 242—1925 г.

Для более безошибочного вывода необходимо еще остановиться на цифровом и прочем фактическом материале, который содержится в представленных сведениях, полная сводка которых будет опубликована дополнительно по получении материалов от всех прокуроров.

Н. Л.

Народные заседатели.

(К статье т. Ф. Вольфсона «Поднятие активности народных заседателей» — «Еж. Сов. Юст.» № 47 1925 г.).

Подчеркивая необходимость в ряду мероприятий, направленных к улучшению работы суда и поднятию его авторитета среди трудящихся масс, поставить на одно из первых мест меры, направленные к более рациональной постановке участия в судебной работе народных заседателей, участие которых в суде не приносит еще делу всей той пользы, которую мы вправе требовать от института народных заседателей, тов. Ф. Вольфсон основную ненормальность этого участия видит, совершенно справедливо, по нашему мнению, в недостаточной активности народных заседателей.

Вопрос этот по своему большому общественному значению заслуживает особого внимания, и постановка его на очередь, по нашему мнению, является вполне своевременной.

Не останавливаясь на причинах пассивности народных заседателей, причинах, достаточно полно выявленных т. Вольфсоном, и вполне соглашаясь с целесообразностью и необходимостью предлагаемых им таких мер к устранению указанной ненормальности, как: широкая разъяснительная кампания по вопросу об общественной важности в настоящее время суда и, в частности, народных заседателей, с призывом к рабочим и крестьянам об оказании помощи суду путем посылки в качестве народных заседателей лучших, наиболее активных и сознательных работников; введение в Пол. о судостроительстве постановления, аналогичного постановлению в положении о городских советах, об обязательной ответственности народных заседателей о своей работе в суде перед избирателями, и издание популярного руководства для них, — считаем необходимым по поводу высказанных т. Вольфсоном соображений о нецелесообразности организации специальных краткосрочных курсов для народных заседателей, об

устройстве которых высказывались пожелания на устраивавшихся в Москве собраниях народных заседателей, и предоставлении на судье права судьи допрашивать свидетелей без участия народных заседателей до разбора гражданских дел, — высказать мнения противоположного свойства.

Начнем с курсов для народных заседателей. Тов. Вольфсон, отрицая целесообразность организации таких курсов, совершенно не приводит мотивов своего отрицательного к ним отношения, оставляя, таким образом, читателей в некотором недоумении. В противовес идеи организации курсов он выдвигает идею издания популярного руководства для народных заседателей.

По нашему мнению, необходимо и то и другое мероприятие, как дополняющие друг друга, при чем курсы для народных заседателей должны занимать первое место, а руководство, как дополнение их, второе.

На курсах народные заседатели знакомятся с предметом своих занятий путем живого популярного слова, иллюстрируемого примерами из судебной практики и тут же путем вопросов, предлагаемых лекторам, выясняют свои недоуменные вопросы. И, во всяком случае, заменить живое общение лекторов со слушателями, народными заседателями, печатным, хотя бы и популярно составленным руководством, невозможно. Руководство хорошо как пособие, как дополнение устных лекций. Без последних, по одному лишь печатному руководству рядовому рабочему или крестьянину разобраться будет трудно.

В виду сказанного устройство курсов для народных заседателей надо признать мерой желательной и вполне целесообразной, и притом не только в губернских центрах, но и в уездах и волостных, в том случае, если в последних для этого найдутся

подходящие силы. Нам кажется, что нужные силы в лице местных нарсудьи, нарследователя, помощника прокурора и членов коллегии защитников всегда найдутся. Что касается программы таких курсов, то в целях известной планомерности и продуктивности желательно, чтобы программа была выработана центром с указанием соответствующих пособий и руководств. Срок курсов должен быть наивозможно краткий и самые курсы по возможности общедоступными не только для народных заседателей, но и для всех желающих граждан, если для этого найдутся в данном месте подходящее помещение.

Желательно, чтобы по этому, заслуживающему, на наш взгляд, серьезного внимания вопросу высказались судебные и общественные работники с мест.

Обращаясь далее к второму вопросу,—о допросе свидетелей по гражданским делам вне судебного заседания,—едва ли можно эту меру признать желательной, если такой допрос будет производиться единолично судьей в отсутствии сторон и народных заседателей. В судебном заседании свидетель может быть подвергнут так называемому перекрестному допросу, что дает, несомненно, гарантию более полного, более точного и ясного выяснения тех или иных обстоятельств дела.

Тот или иной вопрос, заданный свидетелю в судебном заседании, часто помогает ему вспомнить и изложить перед судом совершенно запечатленные им или недостаточно ясно изложенные при первоначальном показании обстоятельства и факты.

При таком порядке допроса свидетелей интересы дела только выигрывают и правильность решения больше гарантируется.

При допросе свидетелей в судебном заседании, неполнота записи секретарем суда в протокол их показаний всегда может быть восполнена по требованию или указанию сторон или народных заседателей, как это и бывает нередко на практике, по крайней мере, в провинциальных судах.

С точки зрения указанных гарантий исключения из действующего порядка допроса свидетелей по гражданским делам должны иметь место лишь в отдельных случаях, когда свидетели живут далеко от суда, что и предусматривает наш Гражд. Процес.

Кодекс. И нам думается, что законодатель не даром, не случайно, а вполне сознательно установил действующий порядок собирания и проверки доказательств по гражданским делам, в полном соответствии с основными принципами нашего гражданского процесса, нисколько не заслоняющего, как кажется тов. Вольфсону, основного начала нашего Гражд. Процес. Кодекса, как суда скорого, осуществляемого при активном участии всего его состава и в том числе народных заседателей.

Во всяком случае, принцип гарантии справедливости не должен приноситься в жертву принципу скорости. Говоря это, мы отнюдь, однако, не отрицаем желательности ускорения течения гражданского процесса вообще постольку, поскольку это ускорение, эта скорость не будет вредить справедливости решения.

Тов. Вольфсон, настойчиво рекомендуя в интересах ускорения гражданского процесса допрос свидетелей вне судебного заседания, оговаривается, однако, что по значительному числу дел, если не по большинству их, целесообразнее допрашивать свидетелей, при участии народных заседателей, так как это оживляет процесс и так как практика показала, что в этой стадии процесса заседатели наиболее активны» (курсив наш. П. В.).

Таким образом, тов. Вольфсон несколько противоречит сам себе. Судя по этой оговорке, допрос свидетелей вне судебного заседания может иметь место лишь в самом незначительном числе гражданских дел. А если это так, то стоит ли из-за такого незначительного числа случаев «огород городить»?

Вместе с тем, нельзя не согласиться с тов. Вольфсоном о желательности и целесообразности изменения нынешней редакции ст. 80 ГПК в смысле предоставления суду полной инициативы по принятию мер к приобщению доказательств по делу до первого заседания в целях постановления гражданского дела на публичное рассмотрение с участием народных заседателей в возможно полном виде, с возможно полным комплектом доказательств, за исключением допроса свидетелей вне судебного заседания.

П. Волков.

Между прочим.

Все это было бы печально,
Если б не было смешно.

Есть такой юридический журнал в Германии: «Дейтше Юристен Цейтунг» («Deutsche Juristen Zeitung»).

Журнал почтенный и по возрасту (ему идет 31 год), и по своим основателям, и по сотрудникам. И вот этот солидный журнал уделяет скромное внимание от поры до времени и нашему праву. Так в последнем номере «Д. Ю. Ц.» от 1 февраля с. г. в юридическом обозрении читателям преподносятся следующие новейшие сведения: «Советская Россия нуждается опять в адвокатах. Она в них нуждается, признает и оплачивает их. В первые годы Советской власти считали достаточным для выступления на суде здоровый пролетарский разум. Адвокатам, как нежелательным буржуа, отказывали в праве русского гражданства. Однако, факты оказались сильнее мудрости коммунистических за-

конодателей. Адвокаты появились вновь. Народные суды приветствуют их появление. Они лучше ориентируются в новых законах, чем это мог сделать пролетарский разум. Теперь распоряжением наркомов адвокаты вновь призываются в качестве официальных защитников». Затем, перечисляя таксу оплаты, автор, постоянный обозреватель журнала, д-р. Гахенбург, прибавляет: «Собственно говоря это не совсем соответствует рабоче-крестьянской республике». Никакой ссылки на упоминаемое им распоряжение автор не делает. Следует полагать, что речь идет о циркуляре НКЮ № 200—25 г. («ЕСЮ» № 41—25 г.). Конечно, можно автору простить многое. Можно простить и то, что он не знает истории советской адвокатуры и незнаком с современной организацией и деятельностью коллегии защитников, можно даже простить и то, что до сих пор, несмотря на отношения, установившиеся между рабоче-

крестьянской республикой советов и демократической республикой фельдмаршала Гинденбурга после Раппальского договора, несмотря на то, что германские суды в своей повседневной практике часто применяют советские законы и их юридическое целомудрие от этого ничуть не страдает, автор продолжает писать небылицы и шипеть.

Все это, хотя и немного странно, но все же, в конце-концов, понятно. Но мы вправе требовать от такого серьезного журнала, как «Д. Ю. Ц.», с большой pompой и претенциозностью заявляющего о своем беспристрастии, своей объективности и стремлении служить великой идее права, этой основе всякой цивилизации, не как советские юристы,—о, нет,—а просто как читатели журнала, мы вправе требовать, чтобы факты излагались, выражаясь помечче, по-европейски, так, как они есть. Мы, конечно, ни в малейшей степени не можем требовать беспристрастной объективной оценки, спокойного, вдумчивого отношения и внимательного изучения советской правовой жизни. Но «фактического» изложения фактов, не рискуя быть нескромным, читатель может желать. Так вот факт столь громадной важности, что он признан быть отмеченным в юридическом обозрении «Д. Ю. Ц.», как победа юридически образованного адвоката, как вичшее посрамление коммунизма, чуть ли не как одно из очередных поражений Коминтерна,—простите, г-н доктор—просто не факт. Ибо, да будет Вам ведомо и это должны будут подтвердить Вам Ваши информаторы, распоряжение, о котором Вы пишете, ничего нового не вводит, кроме таксы и порядка оплаты труда адвоката, выступающего по назначению и по соглашению в тех случаях, когда действует такса. А выступление адвокатуры по назначению предусмотрено положением о судостроительстве, ст. 42 его, п. «г», возлагающим на президиум коллегии защитников «назначение бесплатной защиты и защиты по таксе», и ст. 43, п.п. «а» и «б».

А положение это введено в действие 1 января 1923 г.

Обязательное же участие защиты по определенному реда делам предусмотрено ст. 55 Уголовного Процессуального Кодекса.

Что редакция журнала считает необходимым знакомить своих читателей с выдающимися событиями советской правовой жизни—это хорошо. Но информировать читателя спустя 3 года—это не только при современном темпе событий, но и при каком угодно темпе срок чересчур большой.

Я бы, может-быть, прошел мимо этой, не только неверной, но и просто неумной заметки почтенного журнала и не стал бы обращать внимание читателя «Е.С.Ю.» на эн плюс первое искажение фактов нашей жизни с соответствующим освещением. Но я находился под сильным впечатлением речи, произнесенной на чрезвычайном съезде германских адвокатов в мае 1925 года, прошедшем с большим подъемом и при участии именитых гостей,

представителей власти, профессуры, судебного мира и т. п., стенографический отчет о котором опубликован в январе сего года¹⁾. К съезду обратился с приветствием министр юстиции. С ответной речью выступил зампред всегерманского адвокатского союза д-р Гахенбург, он же автор в журнале «Д. Ю. Ц.». Министр говорил о тяжелых временах для Германии, о необходимости поднять авторитет права и веру в его силу, о необходимости работы над воссозданием праву приоритета перед силой как в области международных отношений, так и внутри страны. Вне права нет спасения,—убеждал германских адвокатов имперский министр юстиции. С каким пафосом, энтузиазмом, умилением, с какой моссельпромовской сладостью произнес ответную речь г-н доктор Гахенбург. И г-н доктор счел необходимым отметить, что адвокатура не только помогает суду в его работе, но и участвует в научной разработке права. Так вот не является ли образчиком научной разработки права цитируемое юридическое обозрение г-на Гахенбурга? Математическая точность, выдающаяся объективность, *sine ira et studio*, — наука и право ведь стоят вне классовой борьбы, выше политики! Так, кажется, проповедует 31 год редакция «Д. Ю. Ц.»!

И еще один недоуменный вопрос: что германский юрист хочет изучить советское право, сомнения нет. Это доказывается хотя бы тем, что от поры до времени г-н Гахенбург включает в свой обзор наше право в том, примерно, стиле, как на сей раз. Это доказывается и тем, что в Германии выходят два журнала, посвященные восточному праву, где Советскому Союзу отводится большое место.

Почему же германские юридические журналы вроде «Д. Ю. Ц.», «Juristische Wochenschrift» не вносят в список журнальной литературы наших советских юридических журналов? Почему!? Потому ли, что читатели этих журналов все-равно русского языка не знают. Но ведь не знают они и финского, шведского, чешского, а литература на этих языках все же приводится. Быть-может, наша литература недостаточно научна и, следовательно, не представляет интереса для квалифицированного немецкого юриста. Вряд ли это посмеет сказать редакция любого германского юридического журнала, так как в германских журналах печатаются статьи сотрудников наших советских юридических журналов. Может-быть, потому, что включение в обзор журнальной юридической литературы советских журналов равносильно признанию, а германская юриспруденция нас де-юре не признала еще. Или потому, что система замалчивания (*Todtschweigensystem*) может обезопасить потрясенный в своих основах германский правовой порядок от творческого влияния большевистских правовых идей. Воистину можно сказать: «есть еще юристы в Берлине».

С. Прушицкий.

Тезисы доклада Я. Н. Бранденбургского о проекте Кодекса законов о браке, семье и опеке в Институте Советского Строительства.

1. Октябрьская революция, изменившая в России социальный и политический строй, не могла не коснуться самым решительным образом строя семейных отношений. «Из тех законов, которые ставили женщину в положение подчиненное, в Советской Республике не осталось камня на камне» (Ленин. Собр. соч., т. XVI).

Декреты от 19 и 20 декабря 1917 года и Кодекс законов 1918 года в корне изменили прежнее религиозное, церковное каноническое брачное право.

2. Буржуазное право признает только законное, а не

¹⁾ «Juristische Wochenschrift», № 2.

кровное родство. В буржуазном праве семья рассматривается, как основная клетка строения буржуазного общества, как хранительница родовых привилегий и накопленных капиталов.

3. Советский строй основой семьи и родства признает, наоборот, не законный брак, а действительное происхождение. У нас нет «внебрачных» детей. Пролетариат не строит господства своего класса на крепких частных семейных ячейках.

4. Брачное и семейное право в буржуазных странах регулирует вопросы охранения и укрепления права частной собственности, наследования и пр.

Наши законы о браке и семье регулируют преимущественно вопросы материально-правовых обязательств, вытекающих из брака и кровного родства (поскольку этих обязательств в настоящее время не может взять на себя советское государство), решительно при этом раскрепощая женщину и защищая мать и особенно ребенка.

5. Протекшие со времени издания Кодекса законов о браке восемь лет революционной борьбы, изменившаяся обстановка советского строительства в связи с введением НЭПа и ставшие перед нами новые задачи вызвали необходимость пересмотра положений этого Кодекса, который недостаточно полно разрешает вопросы брака и его последствий, не допускает усыновления, недостаточно четко регулирует опеку и попечительство и пр.

6. Проект нового Кодекса законов о браке, семье и опеке целиком построен на основных и общих с Кодексом 1918 г. принципах декабрьских декретов 1917 года. Проект делает шаг вперед по пути дальнейшего раскрепощения женщины и приспособляет законы о семье и браке к жизненным потребностям складывающегося нового быта.

7. Брак по проекту оформляется регистрацией в органах ЗАГС'а. Регистрация устанавливается с целью облегчения охраны личных и имущественных прав и интересов супругов и детей. Регистрация является бесспорным доказательством наличия брака до опровержения по суду. Фактические брачные отношения, не зарегистрированные в установленном порядке, но либо признаваемые за брак самими сторонами, либо установленные судом на основании доказательств фактической обстановки совместной жизни, влекут за собой те же правовые последствия, что и зарегистрированный в ЗАГС'е брак. Проект дает, таким образом, правовую защиту существующим немалочисленным фактическим бракам и узаконяет установившуюся вопреки ст. 52 Кодекса 1918 года практику пролетарского суда.

8. Правовые последствия брака в общем сводятся:

А. к имущественным отношениям супругов, т.-е. к определению: а) прав на нажитое в течение брака имущество и б) взаимных алиментных прав супругов и

Б. к определению правоотношений между родителями и детьми.

А. а) Согласно твердо установившейся судебной практики проект радикально меняет принцип ст. 105 действующего Кодекса и имущество, нажитое в течение брака, признает общим имуществом супругов, предоставляя суду в случае спора установить размер принадлежащей каждому супругу доли;

б) проект сохраняет право на алименты в пользу нуждающегося нетрудоспособного или безработного супруга, при чем по прекращении брака для нетрудоспособного в течение не более года, а для безработного—6 месяцев; размер же содержания в последнем случае не должен превышать соответствующей ставки соцстраха.

В. В отношении детей проект остается на точке зрения Кодекса 1918 года, отменяя лишь нежизненный принцип

многоотцовства (ст. 144 Кодекса) и упраздняя ответственность родственников по алиментам (ст. 172 и сл.).

9. Указанные в § 8 правовые последствия распространяются проектом на незарегистрированные в ЗАГС'е брачные отношения. Регистрация не меняет существа сожительства супругов. Правовые последствия вытекают из фактического факта сожительства, а не из формального акта регистрации. Регистрация не делает брачного сожительства качественно иным по сравнению с незарегистрированным браком. Последнее признается даже образованными буржуазными цивилистами (как, напр., проф. Пляниоль, проф. Покровский и др.).

10. Опасения, что предоставлением правовой защиты фактическому браку проект способствует развитию многоженства, основаны на явном недоразумении. Многоженство в действительности процветает там, где фактически сожители освобождены от взаимных материальных обязательств, где закон не защищает «конкубината». Наоборот, возложение материальных обязательств на фактических супругов, хотя и не зарегистрировавших своего сожительства, на деле будет способствовать уменьшению, а не увеличению случаев многоженства («Многоженство—привилегия богатых» — Ф. Энгельс).

Но менее основаны на недоразумении опасения, что, предоставив правовую защиту незарегистрированному браку, проект способствует реставрации религиозного брака. Это неверно, во-первых, потому, что проект сохраняет в полной силе регистрацию брака, указывая точно ее значение, как бесспорного доказательства, и, во-вторых, потому, что религиозный брак был и остается по советским законам совершенно частным делом брачующихся, не имеющим в глазах закона никакого значения.

11. Для облегчения суду задачи установления наличия брачных отношений, если брак не был зарегистрирован, проект дает примерный перечень признаков брачного сожительства: а) факт совместного сожительства мужчины и женщины, б) наличие при этом сожительстве общего хозяйства, в) выявление супружеских отношений перед третьими лицами, в личной переписке и других документах, г) взаимная материальная поддержка, д) совместное воспитание детей и пр.

Такое указание в законе не следует смешивать с попыткой дать нормативное определение брака. Такого определения избегают почти все современные буржуазные законодательства, где брак, однако, значительно легче определить по формальным признакам его совершения и по принципиальной нерасторжимости брачных уз. Сделанные в некоторых странах Запада попытки нормативного определения брака явно несостоятельны (пример — мексиканский закон 12 янв. 1917 г.). У нас, в обстановке складывающегося нового быта, дать исчерпывающее определение брака невозможно и излишне.

12. Исходя из особенностей бытовых и имущественных отношений деревни, проект особо подчеркивает, что «взаимные права супругов в отношении имущества крестьянского двора определяются ст.ст. 66 и 67 Земельного Кодекса и изданными в развитие и дополнение их узаконениями» и что «права родителей и детей в отношении имущества крестьянского двора определяются соответствующими статьями Земельного Кодекса».

Защита интересов ребенка заставляет признать в законе ответственность крестьянского двора по алиментам. Чтобы избежать опасений разорения крестьянского хозяйства, проект устанавливает пределы этой ответственности. При взыскании средств на содержание ребенка с члена крестьянского двора, когда его личного имущества недостаточно для обеспечения ребенка, последнему надо предоставить право на получение содержания из имущества крестьянского двора, но размер содержания, определяемый судом,

должен находиться в соответствии не только с материальным положением крестьянского хозяйства в целом, но и, что особенно важно, с долей участия в этом хозяйстве самого ответчика.

13. Проект резко порывает с теорией и практикой признания брака недействительным и никаких положений на этот предмет не вводит, исходя из того основного принципа, что юридическая квалификация сожительства реального положения вещей ни в малейшей степени не способна изменить.

14. В развернувшейся по поводу нового проекта дискуссии выявились основным образом две точки зрения: за и против предоставления правовой защиты незарегистрированному браку.

Доводы наших противников в этом пункте определению неубедительны и несостоятельны.

15. Замечания, сделанные во время дискуссии по отдельным мыслям и статьям проекта, авторами законопроекта учтены и будут, несомненно, приняты во внимание законодательными органами Республики.

Страница практика.

Подсудность исков по алиментам.

«Иски о содержании (об алиментах) могут пред'являться также по месту жительства истца». Фактически получилось, что иски о содержании пред'являются исключительно по месту жительства истца. Бесспорно ли это право истца по алиментам или «суд может постановить перенести дело в другое учреждение... если признает, что данный иск по обстоятельствам дела может быть с большим удобством разрешен по месту производства главнейших поверочных действий?».

Не ради юридической ясности ставится этот вопрос, а исключительно из-за потребностей практики. На самом деле, очень значительное количество дел по алиментам имеют ответчиков, проживающих в других местностях, на значительном расстоянии от места разбора дела. И отсюда масса неудобств: с первого раза очень редко вручается повестка ответчику, дело откладывается за неимением сведений о вручении повестки. Наконец, повестка вручена, но нет сведений о его заработке: молчит запрошенное неоднократно учреждение. Ответчик иногда присылает объяснение, пишет, что он зарабатывает столько-то; истица не соглашается, — снова отложение дела для повторения запроса (молчащее учреждение штрафуется). А надо иметь в виду, что каждое отложение дела — месяц срока, ибо ответчик далеко живет; надо иметь в виду, что органы, вручающие повестки, не привыкли относиться к этому достаточно серьезно. Судебные заказные письма? Но и они мало помогают, ибо даже так запрошенное учреждение не спешит с ответом. Разрешать дела по получению сведений о вручении повестки, не выжидая сведений о материальном положении ответчика? Но это будет нарушением закона.

Не лучше ли подобного рода дела передавать в суды по месту жительства ответчика? По-нашему, так будет достигнуто более быстрое разрешение дела; от такого порядка ничем не пострадает истец. Ведь истцы по алиментам пользуются бесплатной защитой: значит, защитник при подаче прошения в суд по месту жительства ответчика соберет и пошлет все необходимые сведения об истце. Там, на месте, где пред'явлен иск, истцу также назначается бесплатная защита: интересы истца, таким образом, выявлены и представлены. А суд по месту жительства ответчика скорее вручит ему повестку, скорее соберет сведения о его материальном положении, имеет большую возможность там, на месте, пресечь волокиту со стороны учреждений и органов, с которыми ответчик связан по службе или работе, а злоупотребления иногда имеются: просто ответят, что такой-то выехал, но неизвестно, совсем или только временно отлучился; или просто молчат — и потому только так

действуют, что в учреждении встречаются знакомые ответчика. А затем, по решении дела на месте, суд может тотчас же дать исполнительный лист на взыскание присужденных сумм с ответчика; при решении дела по месту жительства истца, хотя исполнительный лист выдается и немедленно, но опять нужно время для посылки его судье, потом судебному исполнителю, назначенному для исполнения; по неведению, истец запросит судебного исполнителя, а тот предложит представить ему деньги для поездки, денег истец представить не может, и исполнительный лист возвращается без исполнения (такие случаи бывали), снова посылка исполнительного листа уже к органу, близко расположенному к ответчику. При решении же дела на месте, при наличии там защитника истца, процедура упрощается: немедленная выдача исполнительного листа, взыскание так сказать «по горячим следам», да и суд, решивший дело, зная это дело, будет следить за надлежащим его исполнением со стороны исполняющего решение органа. Таким образом, и суд, охраняющий интересы истца по алиментам, и взыскание с ответчика в пользу истицы, и взыскание пошлин с ответчика в доход государства — все сосредоточено в одном месте. Разве такой порядок не удобнее, не целесообразнее, чем существующий, когда разрешение отделено от главнейших поверочных действий, отделено от места исполнения и контроля за исполнением решения?

Так вот я и вношу предложение: если суд признает, что данный иск об алиментах по обстоятельствам дела может быть с большим удобством разрешен по месту жительства ответчика, и придет к заключению о необходимости передать дело по новой подсудности, суд может вынести такое постановление.

Без указания наших высших судебных органов этот вопрос на местах неразрешим: один парсуд раз постановил передать дело по месту жительства ответчика, в результате протест прокурора и отмена постановления главсудом (одной из автономных республик).

Предлагаю дальше, чтобы передача дела народным судом в другой парсуд происходила непосредственно (не взирая на территорию).

Возможное возражение: не получится ли при таком порядке сваливания судами всех алиментных дел по месту жительства ответчика, оставляем без рассмотрения, как несерьезное; остановились же на предвидении такого возражения потому, что только оно, общего характера, и может быть выдвинуто теми, кто стал бы защищать существующий порядок разрешения алиментных дел.

Нар. судья М. Самаев.

Крым, Севастополь.

Обзор советского законодательства за время с 25 февраля по 3 марта 1926 года.

А. ПОСТАНОВЛЕНИЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА СОЮЗА ССР.

Финансы.

1. Постановлением ЦИК и СНК Союза ССР от 12 февраля о государственном охотничьем сборе («Изв. ЦИК СССР» от 26 февраля, № 47) установление и регулирование взимания этого сбора передано союзным республикам. Последними устанавливаются также и льготы по взиманию сбора. В порядке общесоюзного законодательства установлен лишь предельный годовой максимум сбора в один рубль для лиц, основным или подсобным источником существования которых является охотничий промысел. Что касается лиц, занимающихся охотой в виде спорта, то размер предельного максимума сбора с них зависит от места их проживания: в сельских местностях—1 р., а в прочих местностях—3 рубля. Кроме основного государственного сбора и местной к нему надбавки в размере не свыше 50% (лит. «д» ст. 37 времен. полож. о местн. финан.—«С. З. СССР» 1924 г. № 24, ст. 199), иное обложение охотничьего промысла не допускается.

Отменены постановления ВЦИК и СНК РСФСР от 1 марта 1923 г. и ЦИК и СНК Союза ССР от 28 февраля 1924 г. («С. У.» РСФСР 1923 г. № 17, ст. 217, и № 35, ст. 336).

2. Постановление СНК Союза ССР от 16 февраля о льготах по государственному попутному (грузовому) портовому сбору для малоценных экспортов товаров («Изв. ЦИК СССР» от 26 февраля № 47) дополняет постановление ЦИК и СНК Союза ССР от 8 января 1926 г. о введении этого сбора («С. З. СССР» № 3, ст. 14).

3. Постановление СНК Союза ССР от 9 февраля о сложеннии недоимки и пени по натуральному промысловому сбору с зернообрабатывающих предприятий («Изв. ЦИК СССР» от 3 марта, № 51) окончательно ликвидирует взимание этого сбора, отмененного постановлением ЦИК и СНК Союза ССР от 13 июля 1923 г. («С. У. РСФСР» 1923 г. № 83, ст. 801).

Уголовное законодательство.

4. Постановлением ЦИК и СНК Союза ССР от 19 февраля о дополнении ст. 1 пол. о воинских преступлениях («Изв. ЦИК СССР» от 27 февраля, № 48) к воинским отнесены также преступления строевого состава особых вооруженных отрядов НКПС, если эти преступления направлены против порядка несения службы («С. З. СССР» 1924 г. № 24, ст. 207).

Народная связь.

5. Постановление СНК Союза ССР от 5 февраля о радиостанциях частного пользования («Изв. ЦИК СССР» от 25 февраля, № 46) заменяет значительно устаревшие и препятствовавшие развитию радиосвязи постановления СНК Союза ССР от 4 июля 1923 г. («С. У. РСФСР» 1923 г. № 82, ст. 792) и от 28 июля 1924 г. («С. З. СССР» № 3, ст.ст. 40 и 41). Вместо семи групп радиостанций установлено всего четыре, различающиеся лишь по цели пользования (личного, коммерческого, научно-исследовательского), но независимо от длины волны. Приемные радиостанции устраиваются и эксплуатируются без предварительного разрешения, но с регистрацией в органах Нар-

компочтеля и в организациях, им на то уполномоченных. Требование предварительного разрешения на открытие приемных радиостанций сохранено лишь в пограничной полосе. Разрешительная же система применяется в отношении всех передающих и приемно-передающих станций частного пользования. Также мощность, длина волны и время работы передающих станций (исключая государственные, научно-исследовательские и промышленные) определяются предварительно НКПиТ; для этих же станций требуется предварительное, до начала эксплуатации, освидетельствование органами Наркомпочтеля. Эти же органы имеют право безусловного контроля всех станций частного пользования. Абонементная плата, взимаемая с владельцев станций, понижена; она составляет для радиостанций, установленных в целях личного пользования отдельных граждан, от 1 р. (красноармейцы, воины, инвалиды, учащиеся-стипендиаты, крестьяне, освобожденные полностью или наполовину от сельхозналога), 1 р. 50 к. и 3 рублей—в зависимости от типа станции (рабочие, служащие, комсостав, учащиеся—не стипендиаты, прочие крестьяне, кулаки и ремесленники) до 7 р. 50 к. и 15 р. (для прочих граждан). Не взимается плата за установку приемных станций в учебных заведениях, детских и инвалидных домах и клубах воинских частей. Нарушения правил пользования и эксплуатации станций, в частности, неплатеж абонементной платы, влекут за собой закрытие станции.

Транспорт.

6. Постановление СТО от 5 февраля о под'ездных железнодорожных путях необщего пользования, состоящих в собственности государства («Изв. ЦИК СССР» от 2 марта, № 50) существенно дополняет постановление СТО по тому же предмету от 29 февраля и 15 октября 1924 г. («С. У. РСФСР» 1924 г. № 42, ст. 386, и «С. З. СССР» 1924 г. № 17, ст. 170). Оно должно прекратить споры между органами НКПС и различными госпредприятиями о праве пользования этими путями. Безусловной передаче подлежат под'ездные пути, сооруженные за счет госбюджета исключительно для нужд госпредприятий в период времени между изданием декрета от 28 июня 1918 г. о национализации крупнейших предприятий («С. У.» 1918 г. № 47, ст. 559) до первого февраля 1922 г. и обслуживающие эти предприятия в настоящее время. Действие постановлений о передаче под'ездных путей распространяется и на под'ездные пути изолированные, а равно и предназначенные для обслуживания госпредприятий бездействующих. Установлены сроки как для подачи госпредприятиями заявлений о передаче им под'ездных путей, так и для фактической передачи их. Пропуск срока для подачи заявления имеет то последствие, что вопрос о передаче разрешается в таком случае НКПС исключительно с точки зрения хозяйственной целесообразности.

Б. ПОСТАНОВЛЕНИЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА РСФСР.

Гражданский Кодекс.

1. Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 15 февраля об отмене максимума наследования и дарения («Изв. ЦИК СССР» от 28 февраля, № 49) издано в соответствии с ди-

рективой, содержащейся в постановлении ЦИК и СНК СССР от 29 января («С. З. СССР» 1926 г. № 6, ст. 37). Постановление мотивировано облегчением возможности продолжения существования промышленных и торговых предприятий после смерти их владельцев, а также целью создания более благоприятных условий для образования и прилива в страну материальных и денежных средств. В соответствии с отменой максимума отменены 1 ч. 138 ст., прим. к ст. 416, ст. 417 и изменены ст. ст. 416, 419, 421 и прим. к ст. 422 Гражд. Код.

Государственное устройство.

2. Постановлением СНК РСФСР от 12 февраля об изменении примечания к ст. 5 пол. об Экономическом Совете РСФСР («Изв. ЦИК СССР» от 28 февраля, № 49) значительно расширен круг вопросов, постановления по которым ЭКОСО РСФСР являются окончательными и обжалованию в СНК РСФСР не подлежат. Помимо вопросов об изменении или отмене решений Высшей Арбитражной Комиссии («С. У. РСФСР» 1925 г. № 45, ст. 341), к этой категории окончательных постановлений отнесены постановления об утверждении распределения прибылей госпредприятий, об утверждении и изменении уставов трестов, акционерных обществ и т. п., а также их уставных капиталов, об утверждении реквизиции имущества (декрет СНК от 17 октября 1921 г.—«С. У.» № 70, ст. 564), об утверждении продажи леса на корню по оценке без соревнования учреждениям и предприятиям, финансируемым в сметном порядке, и об исключении отдельных поселений из таблицы ставок основной ренты и о понижении этих ставок.

Финансы.

3. Постановлением СНК РСФСР от 18 февраля об освобождении от сельско-хозяйственного налога хозяйств с размером налога менее одного рубля («Изв. ЦИК СССР» от 27 февраля, № 48) санкционирует ранее состоявшееся распоряжение НКФ РСФСР по этому предмету.

4. Постановлением СНК РСФСР от 18 февраля об исправлении текста постановления СНК РСФСР о включении в состав губернских (областных) междуведомственных комиссий по распределению субвенционных фондов и наблюдению за использованием таковых представителя от губернского (областного) отдела труда («Изв. ЦИК СССР» от 27 февраля, № 48) в редакцию постановления от 14 января 1926 г. («С. У.» 1926 г. № 4, ст. 22) включена ссылка на постановление от 21 апреля 1925 г. («С. У.» 1925 г. № 25, ст. 180) и на вхождение в состав комиссий представителей от отделов коммунального (местного) хозяйства исполкомов.

Просвещение.

5. Постановлением СНК РСФСР от 18 февраля об изменении положения о техникумах («Изв. ЦИК СССР» от 27 февраля № 48) внесены существенные изменения в это

положение («С. У.» 1926 г. № 1, ст. 4). Изменения эти направлены, главным образом, на усиление влияния местных исполкомов в вопросах, относящихся к организации учебных заведений этого типа.

Труд.

6. Постановление СНК РСФСР от 18-го февраля об учреждении при Народном Комиссариате Труда РСФСР особой междуведомственной комиссии по борьбе с несчастными случаями в промышленности («Изв. ЦИК СССР» от 2 марта, № 50) мотивировано целью объединения и направления мероприятий по борьбе с несчастными случаями. В состав комиссии входят: председатель—Нарком Труда и члены—один представитель НКТ, два от ВСНХ и четыре от ВЦСПС. В крупных промышленных центрах учреждаются при отделах труда комиссии по борьбе с травматизмом.

Административное право.

7. Постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 15 февраля о порядке регистрации уставов охотничьих промысловых кооперативных организаций и о порядке надзора за их деятельностью («Изв. ЦИК СССР» от 3 марта, № 51) эта регистрация возложена на наркомземы РСФСР и автономных республик и их местные органы на тех же основаниях, что и регистрация сельско-хозяйственных кооперативов. Надзор поручен тем же органам.

8. Постановлением СНК РСФСР от 23-го февраля о порядке празднования юбилеев («Изв. ЦИК СССР» от 3 марта, № 51) издано в соответствии с общесоюзным постановлением по этому предмету и имеет силу в тех случаях, когда празднование юбилеев сопряжено с расходованием государственных и местных средств. Для учреждений и предприятий, состоящих на госбюджете, требуется особое разрешение СНК РСФСР. Предприятия, состоящие в ведении наркоматов и переведенные на начала коммерческого или хозяйственного расчета, должны получить разрешение соответствующего Наркомата и Наркомата РКИ. Для предприятий местного значения и для учреждений, состоящих на местном бюджете, необходимо разрешение высшего местного органа, не ниже губисполкома.

Узаконения, утратившие силу.

9. Постановлением СНК РСФСР от 18-го февраля о признании утратившим силу постановления СТО о воспрещении взимания арендной платы за земельные участки полосы железнодорожного отчуждения, занятые помещениями Наркомпрода и ведущими к ним под'ездными путями («Изв. ЦИК СССР» от 3 марта, № 51), издано на основании ст. 4 постановления ЦИК и СНК СССР от 28 августа 1925 г. о введении в действие положения о землях, предоставленных транспорту («С. З. СССР» 1925 г. № 65, ст. 477).

М. Брагинский.

Из деятельности Наркомюста. В Оргбюро НКЮ.

Информационный бюллетень № 5.

РЕГИСТРАЦИЯ БУМАГ.

Где и как регистрируется переписка, относящаяся к заведенному наблюдательному производству или делу?

Заявление и другого рода бумаги, поступающие от учреждений и частных лиц, имеющих непосредственное отношение к находящимся в производстве судебным делам или наблюдательным производствам и зарегистрированным на алфавитных карточках по ф. № 3, никакой регистрации не подвергаются, получая всякий раз № того дела или наблюдательного производства, к которому они относятся.

Вся же остальная относящаяся к делу или наблюдательному производству переписка регистрируется обычным порядком на карточке по ф. № 2, при чем также получает всякий раз № соответствующего дела или наблюдательного производства.

Как понимать третий абзац § 31 «Краткого руководства для губпрокуратуры»: проставляется ли во второй графе №, присвоенный корреспонденту, или № карточки для данного корреспондента?

Корреспондентам никаких №№ не присваивается: во второй графе проставляются очередные порядковые №№ карточек, для переписки данного корреспондента (1, 2, 3, 4 и т. д.), при чем каждая последующая карточка заводится после заполнения предыдущей.

Следует ли бумаги по переписке, начатой до введения карточной системы делопроизводства, регистрировать на карточках по ф. № 2 или же заканчивать всю переписку по входящему и исходящему журналам?

Все бумаги, полученные и отправленные после введения карточной системы, следует регистрировать на карточках; при необходимости можно карточку связать с журналом, сделав соответствующую отметку в графе «Примечание».

РЕГИСТРАЦИЯ ДЕЛ.

Следует ли земельные дела регистрировать на карточке по ф. № 11 и как их регистрировать?

Если земельное дело истребовано в порядке надзора как первоначальный материал, то оно регистрируется на карточке по ф. № 11 в обычном порядке; если же оно поступило, как дополнительный материал к уже заведенному и зарегистрированному на карточке по ф. № 11 делу, то поступление его отмечается в графе «движение дела» этой карточки.

В каких графах карточки по ф. № 11 отмечается поступление дел в порядке ст. 427 УПК и направлении их в порядке ст. 428 и 429 УПК?

Указанные отметки надлежит делать на свободных строчках графы «Движение дела».

Следует ли нумеровать уголовные и гражданские дела в одном последовательном порядке номеров или отдельно уголовные и гражданские?

Дела уголовные и гражданские нумеруются единым рядом порядковых чисел, при чем в уездной прокуратуре каждая категория дел имеет следующие условные обозначения: уголовные перед порядковым номером дела цифру 1, гражданские—цифру 2, напр., если порядковый номер уголовного дела будет 245, то уголовное дело будет обозначено в графе «№ . . . . .» цифрой 1245.

Такая же система нумерации устанавливается и для гражданских дел, с той разницей, что впереди их порядковых номеров ставится цифра 2.

Для губпрокуратур устанавливается та же система нумерации с той лишь разницей, что перед порядковым номером дел ставится условное обозначение (шифр), при военное уголовному или гражданскому отделу, напр., если порядковый номер дела 376, то уголовное дело в графе «№» будет обозначено 6376, если следующий порядковый номер занят гражданским делом, т. е. 377, то в графе «№» будет обозначено 5377.

Из деятельности Верх. Суда РСФСР. Определения гражд. касс. коллегии.

По кассжалобе гр. Двинянина, И. Н., на решение Семипалатинского губсуда по иску Иртышского ВИК'а к кассатору о взыскании 2.098 руб. 35 коп. за эксплуатацию паромов.

30 апреля 1924 года Иртышский волисполком (Павлодарского уезда Семипалатинской губернии) заключил с гр-ном Двиняниным письменный договор, по которому ВИК сдал гр. Двинянину в аренду паровой паром для переправы через Иртыш на сезон 1924 г. за 6.500 рублей с обязательством уплаты: к 1 июня—1.500 руб., к 1 июля—2.000 руб., к 1 сентября—2.000 руб. и к 25 октября—1.000 руб. На случай нарушения договора была установлена неустойка в 1.500 руб., которую должна была уплатить виновная сторона правой. 25 июня 1924 года гр. Дви-

нянин подал в ВИК заявление с просьбой о понижении арендной платы за паром, указывая, что в случае неудовлетворения этой просьбы он отказывается от продолжения аренды. Президиум ВИК'а понизить арендную плату отказался и 6 июля 1924 года принял паром от арендатора в свое ведение, предложив арендатору уплатить ВИК'у недоплаченную за первое полугодие арендную плату и неустойку. Так как гр. Двинянин от арендной платы, и неустойки не уплатил, то Иртышский ВИК 23 сентября 1924 года предъявил в Семипалатинском губсуде иск к гр. Двинянину, прося о взыскании с него недоплаченной к 1 июля арендной платы 2.098 р. 35 коп. и неустойки в 1.500 руб., а всего 3.589 руб. 35 коп. Семипалатинский губсуд, рассмотрев дело по этому иску 3 декабря 1924 года,

признал договор от 30 апреля 1924 г. недействительным, как незасвидетельствованный установленным законом порядком по вине обеих сторон, и удовлетворил иск ВИК'а в сумме 2.098 р. 35 к., отказав во взыскании неустойки. В жалобе, поданной на это решение, ответчик указывает на противоречие, допущенное судом в решении, в коем, с одной стороны, договор признан недействительным, а с другой стороны, по этому недействительному договору взыскивается и арендная плата и неустойка.

ГКК Верхсуда вынесла по этому делу такое определение:

Именем РСФСР 1925 года, сентября 22 дня, Верховный Суд по Г. К. К. в составе: председателя С. В. Александровского, членов: И. Л. Козлова и Е. Н. Даниловой, при прокуроре В. П. Чапурском, в открытом судебном заседании слушал дело по иску Иртышского волостного исполнительного комитета к гр-ну Двинянину, И. Н., о взыскании 3.598 р. 25 коп. арендной платы за эксплуатацию парома по договору, по кассационной жалобе гр-на Двинянина, И. Н., на решение Семипалатинского губсуда от 3 декабря 1924 года, коим определено: «договор, заключенный Иртышским волостным исполнительным комитетом от 30 апреля 1924 г. с гр. Двиняниным, И., считать недействительным, взыскать с гр-на И. Н. Двинянина в пользу Иртышского волостного исполнительного комитета 2.098 р. 35 коп. (две тысячи девятно восемь руб. 35 коп.) зол. за эксплуатацию парома в течение двух месяцев и 6 дней, в остальной части иска отказать».

Рассмотрев настоящее дело, гражданская кассационная коллегия находит: 1) что суд правильно признал договор

недействительным и единственным последствием такого признания на основании 29 и 151 ст.ст. Гр. Код. могло быть возвращение судом сторон к их первоначальному положению, а между тем, суд занялся исследованием вопроса о виновности или невинности контр-агента для разрешения вопроса о неустойке, упустив из вида, что договор в силу 36 ст. Гр. Кодекса является недействительным с момента его заключения, вследствие чего при производстве взаимных расчетов сторон на основании 151 ст. Гр. Код. не может быть речи о договорных условиях для производства этого расчета, в том числе и о неустойке; 2) что отсюда последовала и вторая ошибка суда—производство исчисления, основанного на предположении о наиболее выгодном периоде арендования и о необходимости поэтому взыскания первых двух взносов согласно арендного договора, тогда как, не говоря уже о недействительности, как это уже было сказано, арендных условий, рассчитанных при этом на весь период навигации, суд обязан был обе стороны возвратить к первоначальному положению, т.-е. исчислить на основании записей арендатора, а если таковых нет, на основании экспертизы, выручку арендатора, которую присудить истцу за вычетом необходимых произведенных арендатором расходов за период эксплуатации по недействительному договору.

На основании изложенного, Г. К. К. определяет: решение Семипалатинского губсуда от 3 декабря 1924 г. отменить и дело передать на новое рассмотрение в ином составе в тот же губсуд.

(Определение по делу № 33.067—25 г.).

Определения угол. касс. коллегии.

По кассжалобе Лукашева, осужденного Псковским губсудом по ст. 113 УК.

Приговором Псковского губсуда от 20 ноября 1925 г. Лукашев, Степан Григорьевич, 43 лет, несудимый, член ВКП (б) был признан виновным по ст. 113, ч. 1, УК и приговорен к одному году лишения свободы с увольнением от должности. Тем же приговором подсудимый Шутов, Яков Константинович, по обвинению по ст. 113, ч. 1, УК и подсудимый Нестеров, Петр Исаакович, по обвинению по ст. 108 УК были оправданы.

Формулировка обвинения по приговору была такова: «30-го марта с. г. при сдаче кожевенных товаров на складе Себежского усельсоюза приказчиком Шутовым вновь назначенному приказчику Иоффику и проверке товаров была обнаружена недостача таковых на сумму 361 р. 79 к. Материалами предварительного и судебного следствия установлено, что приказчик Шутов на должность поступил 28 сентября 1924 года и наличия товаров от бывшего Иоффика не принимал, так как последний в свою очередь был принят с двухнедельным испытанием и ни от кого наличия товаров не принимал. С момента организации склада заведывающим складом состоял гр-н Лукашев, у которого постоянно находились ключи от склада, в момент его отъезда за него оставался приказчик Бурков. В бытность приказчика Шутова товар отпускался по талонам и деньги получал заведывающий складом Лукашев. Когда произведена растрата как предварительным, так и судебным следствием не установлено, а потому и участие подсудимого Шутова в приписываемом ему преступлении суд считает недоказанным, так как возможно, что растрата произошла до вступления Шутова в должность приказчика,

но поскольку заведывающий складом Лукашев состоял в означенной должности со дня организации склада, т.-е. с июня 1924 года и до обнаруженной растраты и являлся безусловно ответственным, как член правления усельсоюза, и что в его распоряжении находились ключи от склада и что кто-либо другой при внимательном отношении к делу Лукашева совершить растраты не мог, и поскольку из поверочного протокола на следователя видно, что вес проданной кожи не совпадал с корешками проданных квитанций и с ежедневной ведомостью проданных товаров и каждый раз расход по ведомости показывался больше, чем по корешкам, а ведомости писались Лукашевым и такие махинации могли быть только в интересах последнего, а потому виновность Лукашева в преступлении, предусмотренном ч. 1 ст. 113 Уг. Код., суд находит доказанной, что касается обвинения подсудимого Нестерова по ст. 108 Уг. Код., то в отношении последнего никаких данных как предварительным, так и судебным следствием не добыто, а потому суд находит обвинение Нестерова недоказанным».

В кассжалобе осужденный Лукашев, между прочим, указывал на следующее:

1. Судом вынесен приговор не на основании материалов дела, так как приговор констатирует, что «когда произведена растрата, как предварительным, так и судебным следствием не установлено».

2. Кожевенное отделение склада считалось самостоятельным, и ответственность за недостачу в этом отделении, как это видно из имеющегося в деле постановления усельсоюза, должен был нести ответственный приказчик Шутов, а, между тем, он оправдан.

3. Самая система отчета приказчика с заведывающим складом давала возможность для заведующего складом при-

своения денег, а отнюдь не товаров. Таким образом, все соображения суда в этом направлении опять-таки не основаны на материалах дела.

Уголовно-кассационная коллегия, рассмотрев дело в заседании от 17 февраля 1926 года в составе: председателяствующего Глузмана и членов—Георгиевой и Гайшпунта, заслушав заключение пом. прокурора УКК Андреева, вынесла следующее определение:

Приговором обвиняемый Лукашев признан виновным по ст. 113 Уг. Код. не потому, что он присвоил или растратил инкриминируемый ему товар, а лишь потому, что он был заведывающим складом и, как сказано в приговоре, что «при внимательном отношении к делу Лукашев совершить растрату не мог». Таким образом, суд впал в явное внутреннее противоречие, так как, с одной стороны, признает Лукашева виновным в корыстном преступлении по ст. 113 УК, а с другой—указывает, что недостача произошла в ви-

ду невнимательного отношения Лукашева к делу, чем нарушена ст. 334 УПК. Судом также нарушена ст. 319 УПК, так как по материалам дела усматривается, что ответственным за кожевенный товар является оправданный по делу Шутов и что вообще не выяснено когда и при каких обстоятельствах и по чьей вине образовалась недостача, а из дела усматривается, что не учтена тара, вследствие чего дело не доследовано, а приговор вынесен на основании предположений и умозаключений суда, посему за нарушением ст. ст. 319 и 334 УПК и 113 ст. УК и на основании ст. 413, 1 и 3 ч.ч., и 441 ст. УПК приговор отменить как в отношении осужденного Лукашева, так равно и в отношении оправданного Шутова и дело обратиться к новому рассмотрению в тот же суд в ином составе, начиная со стадии предварительного следствия, а в отношении Нестерова приговор оставить в силе.

(Определение по делу № 215.858).

В Совнарком РСФСР.

Проект дополнения ст.ст. 251 и 260 Гражд. Кодекса РСФСР.

Президиум ВЦИК утвердил принятый Совнаркомом РСФСР, по представлению Наркомюста, проект дополнения ст. 251 и изменения ст. 260 Гражд. Код. РСФСР. Согласно примечания, которым дополнена ст. 251 Гр. Код., поверенными по договору поручения могут быть как физические, так и юридические лица, при чем последние могут принимать поручения лишь на совершение таких действий, которые не выходят из пределов их деятельности, определенных соответствующими уставами, положениями или товарищескими договорами. В соответствии с этим изменен и п. «г» ст. 260 Гр. Код., по которому договор поручения, кроме перечисленных в п.п. «а», «б» и «в» этой статьи случаев прекращения, прекращается также в силу смерти поверенного, утраты им дееспособности или прекращения юридического лица, на имя которого выдана доверенность.

Необходимость дополнения названных статей Гр. Кодекса, как видно из объяснительной записки Наркомюста, приложенной к проекту, вызывается следующими соображениями.

В практике органов юстиции постоянно возбуждается вопрос о праве юридических лиц принимать доверенности и быть поверенными по договору поручения. Прямо этот вопрос не разрешен в ту или иную сторону Гражданским Кодексом.

Ст. 260 как-будто бы разрешает этот вопрос в отрицательном смысле, однако, прямо об этом не сказано. Точно также в Гражд. Код. нет никакого упоминания о таких ограничениях прав юридических лиц, которые бы лишали их возможности принимать доверенности.

Изложенные обстоятельства делают вопрос о праве юридических лиц принимать доверенности неясным. Стоя на точке зрения буквы закона (ст. 260), Н.К.Ю. разрешал этот вопрос до сих пор в отрицательном смысле, запрещая выдачу доверенностей юридическим лицам. В настоящее же время Наркомюст находит целесообразным пересмотреть этот вопрос с тем, чтобы путем изменения некоторых статей Гражд. Код. окончательно выяснить вопрос и категорически разрешить прием доверенностей юридическими лицами.

Выдача доверенностей юридическим лицам на практике представляется весьма частым и весьма необходимым явле-

нием. Так, например, акционерное общество «Кредитбюро» принимает поручения полисодержателей по взысканию страхового вознаграждения с иностранных страховых обществ. Эта деятельность «Кредитбюро» пользуется государственной поддержкой («С. У.» 1925 г. № 42, ст. 319). Признание невозможности выдачи доверенностей юридическим лицам положило бы предел такого рода деятельности.

Далее постоянно встречаются и иные весьма многочисленные случаи нежелательности передачи тех или иных поручений частным лицам и предпочтения для этой цели государственных предприятий. Кроме того, отдельные частные лица часто лишены возможности осуществлять свои права непосредственно или через посредство физических лиц, в виду чего принуждены поручать защиту своих прав специальным юридическим лицам. К последним случаям относятся взыскания вознаграждения с железных дорог за недостачу, просрочку в доставке груза, возврат перебора по накладным и проч. (как в СССР, так и за границей). Запрещение поручать предъявление таких претензий специальным юридическим лицам привело бы граждан во многих случаях к лишению возможности осуществления своих прав.

Принятое Президиумом ВЦИК постановление будет внесено на утверждение очередной сессии ВЦИК в порядке статьи 1-й декрета ВЦИК от 7 июля 1923 г. («С.У.» 1923 г. № 54 ст. 530).

Проект изменения пост. ВЦИК и СНК РСФСР от 6 апреля 1925 г. о порядке издания вол. и рай. испол. ком. обязательных постановлений и о наложении ими административных взысканий.

По ходатайству Сибирского ревкома Совнарком РСФСР постановил дополнить п. «а» ст. 9 названного в заголовке постановления примечанием, согласно которого срок для наложения административных взысканий за нарушение обязательных постановлений, издаваемых волисполкомами и райисполкомами в пределах Сибирского края, удлинняется до одного месяца.

Необходимость такого удлинения срока наложения административных взысканий с двух недель до 1 месяца для Сибирского края вызывается значительностью расстояний в Сибири, отделяющих сельсоветы от РИК'ов (200 и

более верст), отсутствием хороших путей сообщения и регулярной почтовой связи, каковые обстоятельства при условии соблюдения установленного законом двухнедельного срока делают невозможным применение административных взысканий в Сибирском крае вообще.

Постановление это послано СНК на утверждение Президиума ВЦИК.

На ряду с этим, по ходатайству Сибревкома Совнарком предложил НКВД и НКЮ уточнить ст. 26 инструкции НКВД и НКЮ от 23 июня 1925 г. по применению постановления ВЦИК и СНК РСФСР от 6 апреля 1925 г. в том смысле, что замена штрафа принудительными работами может производиться распоряжением начальника волостной милиции только в тех случаях, если такая замена предусмотрена в самом постановлении волысполкома, наложившего административное взыскание.

Проект дополнения пост. ВЦИК и СНК РСФСР от 24 августа 1925 г. о порядке установления прав на мельнично-крупяные предприятия («С. У.» 1925 г. № 58, ст. 463).

Согласно постановления ВЦИК и СНК РСФСР от 24 августа 1925 г. для рассмотрения заявлений о регистрации мельниц просо- и крупно-рушек, а также ходатайств о возврате мукомольных предприятий и дел об их национализации или денационализации при губернских (областных)

отделах внутренней торговли должны быть созданы специальные комиссии. Постановления названных комиссий по этим делам по закону могут быть обжалованы в Наркомвнуторг РСФСР.

Уральский областной исполком, учитывая административные особенности районированной Уральской области, соответствующее расширение прав округов, стремился к приближению к местам инстанций, разрешающих спорные дела о мельницах, и ускорение разбора этих дел и имея в виду, что при рассмотрении дел о мельнично-крупяных предприятиях от заинтересованных лиц и учреждений требуется ряд сведений и материалов, коими располагают только округа, вошел в законодательные органы РСФСР с ходатайством о возложении разбора дел о денационализации и регистрации мельниц и просо- и крупно-рушек на комиссии, создаваемые при окрвнуторгах.

СНК РСФСР, удовлетворив ходатайство Уральского областного исполкома, постановил в изменение постановления ВЦИК и СНК РСФСР от 24 августа 1925 г. предоставить областным и краевым исполкомам в местностях, где проведено районирование, право организовать предусмотренные ст. 14 этого постановления комиссии при окрвнуторгах, с тем, однако, чтобы решения этих комиссий в случае их обжалования с заключением областного (или краевого) исполкома направлялись в Наркомвнуторг.

Принятое СНК РСФСР постановление направлено на утверждение Президиума ВЦИК.

В бюро юрисконсультов.

Несколько слов о работе юридических отделов железных дорог.

(В бюро юрисконсультов транспорта)

Более года тому назад в Совете правлений ж. д. возник вопрос о разработке методов учета работы юридических отделов дорог в целях пайти какой-либо измеритель для определения штатов этих отделов.

Вопрос этот подвергался обсуждению на совещаниях юрисконсульттов транспорта Московского узла, созываемых при Совете правлений ж. д. Совещанием юрисконсульттов признано было необходимым получить от дорог (посредством анкет) определенные данные о работе юридических отделов, которые и могли бы затем лечь в основание работы по подысканию и определению того или иного измерителя. Полученные с мест анкетные сведения за полный 1924 г. свыше чем по 30 вопросам были обработаны организационно-правовой секцией Совета правлений и заключены в сводку, дающую интересную картину работы юротделов за 1924 г. (Средние выводы по сводке см. в конце.).

Хотя указанные данные не освещают еще в целом вопроса об измерителях, но все же, несомненно, в дальнейшем при разработке вопроса они послужат надежным его обоснованием. Сами по себе цифры еще мало говорят за себя, но, как указывают дороги, ни число годовых заседаний, ни число судебных дел и консультаций не могут еще служить измерителями работ: судебные дела и консультации настолько бывают разнообразны и сложны, что требуют для их разрешения и различной затраты времени. Иногда разрешение небольших по спорной сумме дел требует больше труда и времени, нежели дело сложное на большую сумму. Некоторые юридические отделы указывают, что во главу учета должен быть поставлен учет консультационной деятельности юрисконсульттов и не только письменной, но и устной, на которую затрачивается времени зачастую

больше, чем на первую, хотя учесть устную консультацию—дело весьма трудное, если даже не невозможное. Точно также не поддаются хотя бы приблизительному учету: работы по участию юрисконсульттов в различных заседаниях, затраты сил в процессе судебных выступлений и подготовке к ним, ожидание в судах слушания дел (на что уходит иногда и целый день), время, потребное для ознакомления с быстро меняющимися законодательными нормами во всех областях права, и пр.

На последнем совещании юрисконсульттов транспорта Московского узла, состоявшемся 19 сего февраля, решено было полученный с дорог анкетный материал подробно вновь пересмотреть в особой комиссии из представителей Совета правлений ж. д., Юрид. отдела Центр. Адм. Упр. НКПС и одной из дорог Московского узла, каковая комиссия и должна будет окончательно высказаться о возможности вообще установления измерителей для работы юридических отделов и в положительном случае выяснить таковые путем серьезной проработки.

Средние выводы работы юридических отделов дорог за 1924 год:

В среднем падает на одного юрисконсульта по всем дорогам в год:

Судебных.	Вызовов, осуществленных в год юрисконсульттов.	Командировок.	Число суток в командир.	Составленных бумаг.	Примечаний, заключенных или (консультаций).	Составленных заключений.	Согласованных договоров.	Совещаний и заседаний в присутствии Юрид. в РИК.	Распредел. и обследованных в год дел, дел в юрисконсульт.	Дел, связанных с работой Юрид. в РИК.	Прочие дела.
141	100,5	8,5	39	96,5	210	390	59,7	46	6,2	15	602

Н. П.

Х Р О Н И К А.

Патентно-правовое бюро В. С. Н. Х.

При научно-техническом отделе ВСНХ действует патентно-правовое бюро (пол. ВСНХ № 137—25 г.).

В целях содействия государственной промышленности в деле приобретения, применения и использования новых изобретений, могущих содействовать улучшению и рационализации производств, президиумом ВСНХ СССР на патентно-правовое бюро возложены следующие функции:

1) Виза приобретаемых госорганами прав на изобретения в СССР.

Договоры с изобретателями и патентно-обладателями по приобретению прав на изобретения (как патентов, так и лицензий) нуждаются в тщательном просмотре с патентно-правовой стороны, а потому в задачи бюро входят как предварительный просмотр, так и составление проектов означенных договоров.

Президиум ВСНХ СССР считает необходимым, чтобы государственные предприятия, состоящие в ведении ВСНХ, широко использовали бюро при заключении договоров. Договоры до подписания их должны быть визированы патентно-правовым бюро.

2) Содействие гос. и хозоргам в деле получения патентов на изобретения как в СССР, так и за границей.

Изобретения, совершаемые в предприятиях госпромышленности, могут представлять собой значительные ценности и могут быть впоследствии использованы за границей путем эксплуатации, предоставления лицензий и проч. Для этой цели они должны быть патентуемы за границей. Патентно-правовое бюро оказывает содействие в проведении патентования изобретения за границей. Заключение договоров об использовании этих изобретений за границей должно быть совершаемо при участии патентно-правового бюро ПТО.

3) Участие бюро в разработке патентно-правовой части концессионных договоров.

При заключении концессионных договоров, в которых имеются пункты, касающиеся патентных прав, на патентно-правовое бюро ПТО возлагается дача заключений по указанным пунктам.

4) Оформление прав предварительного пользования (ст. 6 постановления ЦИК и Совнаркома Союза ССР о введении в действие постановления о патентах на изобретения и ст. 16 постановления ЦИК и Совнаркома о патентах на изобретения).

При уничтожении секретов в нашей промышленности и опубликования их может выясниться, что целый ряд этих секретов совпадает с иностранными патентами и, таким образом, дает право предварительного пользования владельцам этих секретов.

Кроме того, в виду возможности заявок и охраны изобретений в СССР иностранцами по патентам, уже опубликованным за границей и применяемым в СССР, представляется необходимым обеспечение возможности дальнейшего пользования этими патентами на правах «предварительного пользования» за нашей промышленностью.

5) Техническая экспертиза изобретений по поручению госучреждений и госпредприятий.

Участие коммуноделов в работе комиссий по распределению национализированных и муниципализированных строений.

Во исполнение постановления ВЦИК и СНК от 30 ноября 1925 г. коммуноделы принимают постоянное участие во всей работе комиссии по распределению национализированных и муниципализированных строений.

Гл. Упр. Комм. Хоз. НЕВД инструктировало комиссию о тех строениях, которые не должны быть включены в список национализированных (ц. ГУКХ № 683 от 23 декабря 1925 г.). Сюда относятся:

а) Строения, изъятые у частных лиц, за исключением тех из них, кои национализированы специальными постановлениями ВЦИК и СНК РСФСР или кои составляют необходимую принадлежность национализированных промышленных предприятий, будучи неразрывно связаны с производством и составив притом часть уставного капитала. б) Строения, принадлежавшие до 7 ноября 1917 г. бывшим городским и земским самоуправлениям. в) Строения, хотя и принадлежавшие до 7 ноября 1917 г. центральным ведомствам, но ныне находящиеся в хозяйственном и бюджетном отношении в ведении местных исполкомов и их отделов. Так, не должны быть включены в список национализированных строений школьные и больничные здания местного значения. С другой стороны, национализированными являются здания высших учебных заведений, состоящие в ведении центральных ведомств и содержимые по государственному бюджету, здания почтово-телеграфных контор и принадлежавшие ранее почтово-телеграфному ведомству, здания, принадлежавшие до 7 ноября 1917 г. управлениям железных дорог и ныне занятые полностью или в большей своей части железнодорожными учреждениями.

Не должны быть включены в список национализированных имущества строения, вошедшие в состав национализированных имущества промышленных фирм, если строения эти не являются необходимой принадлежностью предприятия и не связаны неразрывно с производством. В этом случае, если строения вошли в уставный капитал предприятия исполкомы могут войти в установленном порядке с представлением об исключении строений из уставного капитала, как подлежащих включению в муниципализированный фонд. Точно также торговые и складные помещения, не связанные с производством промышленных предприятий, не должны включаться в списки национализированных строений.

Отчуждение государственного имущества.

Совет Труда и Оборонки признал не подлежащими отчуждению в собственность частных лиц и общественных и кооперативных организаций, а также не могущими быть предметом залога и обращенных на удовлетворение кредитов в порядке взыскания, следующие государственные имущества, состоящие в ведении Союза ССР, союзных республик и их местных органов: промышленные, транспортные и иные предприятия в целом, промышленные заведения, подвижной состав железных дорог, сооружения жел.-дор., водного и воздушного транспорта, а также народно-хозяйственной связи, сооружения коммунальные и строения.

Отчуждение бездействующих государственных фабрик, заводов и других промышленных заведений допускается в случае невозможности целесообразного их использова-

ния или в случае необходимости производства несообразно крупным расходам для их охраны и ремонта.

Отчуждение оборудования промышленных заведений, а также подвижного состава ж. д., морских и речных судов и летательных аппаратов допускается в случае, если это имущество пришло в ветхость или негодность или не может быть использовано по назначению, а также вследствие устарелости конструкции и замены его более усовершенствованным.

Действующие же промышленные заведения могут быть отчуждаемы в собственность общественных и кооперативных организаций и частных лиц не иначе, как по особому в каждом отдельном случае постановлению Союзного Совнаркома и союзных республик по принадлежности.

Продажа государственного имущества, указанного выше, производится с публичных торгов, а суммы, вырученные от отчуждения не входящих в уставные капиталы предприятий, поступают в распоряжение подлежащих народных комиссариатов и губисполкомов по принадлежности. Суммы, вырученные от отчуждения имущества, находящегося в общегосударственном и местном бюджете, поступают в доход СССР, союзных республик или местных советов по принадлежности.

Имущественная ответственность ведомств за убытки, причиненные невыполнением производственных планов.

Транспортная секция Госплана признала целесообразным обсуждение вопроса о возможной ответственности ведомств и учреждений за выполнение операционных производственных планов, утверждаемых определенным порядком, в целях предупреждения и устранения таких непроизводительных расходов государства, которые часто бывают связаны с этим невыполнением (в данном случае затрат ж. д., оказавшихся непроизводительными и неоплаченными вследствие невыполнения предусмотренного объема перевозок).

Возбуждая этот вопрос, секция поручила НКПС представить в Госплан соответствующий общий доклад, разработав в случае необходимости и подлежащий законопроект (как дополнение к уставу ж. д.).

По данному вопросу Финсекция Трансплана отметила, что вопрос о введении ответственности ведомств и учреждений за невыполнение планов перевозок в виду его государственного значения, должен быть разрешен в общем масштабе для всех ведомств и учреждений.

Кроме того, признавая принципиально правильным введение ответственности ведомств и учреждений за невыполнение операционных производственных планов (типовых заявок), Финсекция Трансплана считает, что такая ответственность может иметь место лишь по отношению к грузам, перевозимым в плановом порядке, и не должна распространяться на грузы, перевозимые в порядке очередности.

Имея в виду, что проект введения указанной ответственности затрагивает интересы многих ведомств и учреждений, как крупных перевозчиков, Финсекция Трансплана признала рациональным подвергнуть вопрос обсуждению в полном объеме в ЦКП, а выработку общих положений закона об ответственности ведомств и учреждений за невыполнение операционных производственных

планов поручить НКПС по освещению в ЦКП материального содержания взаимоотношений по плановым заявкам перевозок между НКПС и заинтересованными учреждениями и ведомствами.

Борьба с неосновательными претензиями и транспорту.

НКПС обратился к ведомствам и организациям с письмом, в котором предлагает принять меры к уменьшению с их стороны заявлений и претензий. Стремление со стороны клиентов предъявлять к дорогам претензии за утрату и повреждение грузов во всяких случаях, даже в разрез с действующими законоположениями, вызывает излишнюю непродуктивную работу и влечет за собой волокиту и непроизводительные расходы как по рассмотрению этих претензий, так и по защите интересов дорог в судах.

НКПС, со своей стороны, на основании поступающих с дорог сведений об отклоненных претензиях и жалоб со стороны клиентов о неправильном разрешении дорогами основательных претензий, принял ряд мер к более правильному рассмотрению дорогами претензий, учитывая, что отклонение дорогами соответственно обоснованных претензий влечет за собой не только увеличение расходов дорог по рассмотрению их, но хоть и незначительное, но все-таки увеличение накладных расходов на промышленность и торговлю.

С этой целью НКПС, — независимо от поднятия квалификации на дорогах агентов по рассмотрению претензий и издания для них подробной инструкции, не существовавшей в довоенное время, — целым рядом приказов предложил дорогам при отклонении претензий сообщать клиентам мотивы таких отклонений, а при непредставлении ими точных доказательств размера понесенного убытка от утраты или повреждения груза — руководствоваться при рассмотрении претензий справочными ценами госучреждений и госпредприятий. Кроме того, во всех тех случаях, когда в НКПС доходят по жалобам клиентов сведения о неправильном отклонении дорогами основательных претензий, НКПС предлагает дорогам пересматривать такие претензии и удовлетворять их.

Принимая во внимание, что неосновательное заявление претензий вызывает непроизводительные расходы не только у железных дорог, но и госучреждений и госпредприятий, заявляющих такие претензии, НКПС просит своих массовых клиентов (госучреждения и госпредприятия) издать по своим наркоматам и учреждениям особый приказ, запрещающий заявлять железным дорогам такие претензии за утрату и повреждение багажа и грузов, которые заведомо, по действующим законоположениям, не подлежат удовлетворению.

В заключение указывается, что НКПС предложил дорогам в отношении спорных претензий, каковые неизбежно получают разрешение в судах, систематическое изучение разрешения этих претензий судебными органами. Такие решения судов будут регистрироваться дорогами в особой книге с приведением и всех первоначальных мотивов жел. дорог, в силу которых последние отклонили претензии, но с которыми впоследствии суд не согласился. Это мероприятие, по мнению ЦКП, в дальнейшем также повлияет на сокращение числа таких спорных претензий, кои ныне еще не получают разрешения в порядке предварительного их рассмотрения дорогами.

По автономным областям.

Прокуратура и ее задачи в ауле.

Сейчас в г. Нальчике Кабардино-Балкарской авт. обл. в доме заключения срочные в большинстве содержатся за убийства, среди следственных преобладают обвиняющиеся за кражу крупного скота и убийства.

Самым распространенным преступлением должностных лиц в аульских местностях является растрата и присвоение. Областные прокуратуры принимают внеочередные меры борьбы с этим злом: по этим преступлениям делаются обследования, вне очереди ведутся следствия и производятся разборы дел в суде, по которым, как правило, прокуратура выступает обвинителем. Разбор этих дел на сессиях производится на местах выездными сессиями. В виду большого стечения кабардинцев и балкарцев на эти процессы, приходится признать, что они принимают довольно показательный характер.

Строгое наказание по служебному подлогу и сейчас оказывает большое действие на преступников. Что касается превышения власти, то приходится сказать, что преступление это не имеет такой стихийности, как это было в 1923 г. Если это преступление и имеет иногда место в некоторых аулах, то оно бывает очень незначительно и потому неопасно.

Не изжито еще так называемое налоготворчество (взыскание непредусмотренных законом налогов и проч.), но и в этом отношении имеются уже большие достижения: обследования низовых аппаратов прокурором и показательные суды сокращают количество этих преступлений.

Слишком большую распространенность в нашей области и в районах национальных областей, прилегающих к ней,

имеет скотокрадство. Прокуратура и другие карательные органы ведут с этим злом самую усиленную борьбу. Наказание здесь применяется самое строгое: за вооруженное нападение—высшая мера, за невооруженное—5 лет лишения свободы.

Случаи араковарения сейчас очень редки, но после снятия урожая кукурузы они безусловно увеличатся. Прокуратура же, в свою очередь, увеличит меры борьбы с ним.

Похищение женщины для вступления с нею в брак против ее воли встречается реже, и сами кабардинки и балкарки в этих случаях просят прокуратуру оказывать им законное содействие. Принуждение женщины ко вступлению в брак со стороны родителей наблюдается в отдаленных аулах. Вступление в брак с лицом, не достигшим половой зрелости, пресекается самыми суровыми мерами. Двоеженство постепенно отживает само собой, и с этим смирились даже старики. Уплата калыма, как это видно из доклада судьи, процветает особенно в Балкарии, но и здесь приняты соответствующие меры.

Нельзя также оставить без внимания и еще одного важного и распространенного преступления, издевательства мужей над женами. Борьба с ним очень затрудняется тем, что запуганные мужьями женщины боятся жаловаться властям.

Борьба со многими преступлениями очень облегчается селькорами. Пусть селькор знает, что каждая его разоблачающая заметка приносит прокуратуре громадную пользу, в деле искоренения преступлений.

г. Нальчик.

А. Болдырев.

НА МЕСТАХ.

Уездное совещание работников юстиции в Бугуруслане.

В первых числах января 1926 г. в г. Бугуруслане проходило 7 уездное юридическое совещание.

Совещание проходило под знаком укрепления революционной законности и внедрения ее в широкие массы трудящихся города и деревни.

По докладу о деятельности уполгубсуда и судебно-следственных работников совещание признало работу удовлетворительной и как достижение в работе против прошлых лет отметило следующее. Достигнуто увеличение судебных участков с 10 до 14 и следственных вместо 5 до 8 участков. Произведено районирование судебно-следственных участков. Повышена квалификация работников путем командирования на курсы, организован юридический кружок при уполгубсуде, налажена общественная работа и работа по оказанию юридической помощи населению как со стороны судей, так и членов коллегии защитников.

На ряду с этим отмечен разрыв связи суд.-след. работников с печатью и факторами, замкнутость работы следователей, отсутствие общественной работы со стороны нотариусов, недостаток средств на командировочные судьям, отчего суды сократили число выездных сессий, не имея возможности даже провести показательные процессы на местах по делам, наиболее затрагивающим интересы широких масс населения, что в корне парализует деятельность судов и лишает возможности приближения суда к населению.

Недостаток отпускаемых средств нарзаседателям, вследствие чего были отказы от исполнения обязанностей, из-за невозможности отбыть их по бедности.

Совещание вынесло целый ряд практических предложений, направленных к изжитию этих недостатков.

По докладу прокуратуры, совещание нашло необходимым: принять меры к изжитию медленности в окончании дел, обвиняемые по которым находятся под стражей; тщательной проверять необходимость задержания и дальнейшего нахождения под стражей; принять меры к быстрому рассмотрению дел о хулиганстве, растратах, осторожней относиться к вынесению условных приговоров при рассмотрении дел о растратах; следить за недопущением «прощения» растрат, наблюдающихся в последнее время; обратить сугубое внимание прокуратуры на усиление работы среди общественных обвинителей и целесообразность использования последних и усилить нарзаседкам внимание за работой волмилиции.

Заслушанный совещанием доклад о работе коллегии защитников показал значительную ее работу против прошлого периода и в части оказания юридической помощи населению и в части правовой пропаганды.

По докладу о проекте Кодекса законов о браке, семье и опеке совещание признало проект НКЮ отвечающим требованиям жизни и вполне своевременным.

Совещание констатировало удовлетворительное состояние работы губсуда по руководству его местами и признало

необходимым: сокращение требуемых отчетов, а равно и упрощения их (так как последние стали невыносимо громоздкими); чтобы на уездное совещание делегировались члены губсуда с докладами о работе губсуда; тщательные и продолжительные ревизии, так как для дальнейшей работы указания ее крайне полезны и ценны; ввести систему снабжения форменными и бланковыми принадлежностями через губсуд, достигая этим удешевления; признать желательным издание губернского журнала, который мог бы отразить потребности судебно-следственных работников в местном, губернском масштабе; добиться такого положения, чтобы все распоряжения и оповещения со стороны губсуда исходили своевременно и без опоздания.

Совещание признало существование возмемкомиссий в дальнейшем излишним и высказалось за передачу функций нарсудам.

Много внимания совещание уделило вопросам, связанным непосредственно с работой милиции. По докладу представителя милиции совещание отметило, что работа в общем и целом проведена удовлетворительно и имеются некоторые достижения.

Совещание считает необходимым в будущем принять следующие меры: разгрузить залежи уголовных дел; улучшить учет преступного элемента; улучшить технику составления и ведения дознания, правильно применения квалификацию преступления; добиться полной разгрузки от залежей исполнительных листов; улучшить взаимоотношения с ВИК'ами и другими органами власти; обратить особое внимание на инструктирование сельских исполнителей; войти с ходатайством перед УИК'ом на предоставление средств передвижения на разъезды и пересылку арестованных; признать желательным проведение районных совещаний начальники при камерах нарсудов или нарсудователей при участии представителей милиции.

Соловьев.

г. Бугуруслан.

Совещание судебных работников Слободского у. Вятской губ.

В декабре 1925 года в гор. Слободском происходило совещание судебно-следственных работников.

Совещание прошло оживленно, отметив, что экономическое положение судов с переходом на волостной бюджет улучшилось, заработная плата увеличена, наблюдается стремление перевести в будущем следственные органы на волостной бюджет.

Совещание констатировало успешность проведения кампании по выборам в нарсудатели, куда вовлечено до 30% женщин.

За последнее полугодие оживилась общественная работа судей, ведущаяся в плановом порядке работают справочные бюро по оказанию бесплатной юридической помощи населению, но в этой области требуется еще усиленная работа по постановке вечеров ответов и вопросов, бесед и лекций.

Совещание выявило, что судьи с расширением подсудности вполне справляются, залежей дел в судах нет:

в производстве судорганов от 30 до 80 дел, в следственных органах от 4 до 30 дел.

Повысилась и квалификация тех судебно-следственных работников, которые проходили краткосрочные курсы; предполагается пропустить через курсы весь состав судебных работников.

Уральские областные юридические курсы.

Пермские областные юридические курсы открылись в апреле 1925 г. Состав курсантов 79 человек, в том числе из рабочих 25, из крестьян 44, и служащих 10 человек; по партийности — членов ВКП (б.) и канд. — 52, членов РЛКСМ — 11, беспартийных — 16. В органах юстиции работали 31 чел. Преподавательский состав для курсов был приглашен из среды ученых работников Пермского университета и судебных органов. Метод проработки учебного плана — лекционно-семинарский. Для практической проработки отдельных вопросов преподаваемых дисциплин организованы мелкие семинарии-кружки в количестве 11. Кроме этого, намечено по плану деления курсантов на две группы для семинарских занятий под непосредственным руководством особых преподавателей. Курсы, преследуя подготовку практического работника, главным образом, низового судебного аппарата, ведут и чисто практического характера занятия в виде организации процессов по инсценированным делам, выступлений в качестве общественных обвинителей, участия в судах в качестве нарсудователей, просмотр и подготовка для докладов дел в кассационных инстанциях при сессии облсуда и проч. Несмотря на ряд трудностей, как-то отсутствие в достаточной мере квалифицированного преподавательского персонала, неудобства в смысле оборудования помещения и т. д., учебный план выполняется. Дальнейший темп учебы и деятельность курсов будет зависеть, как и уже пройденный период, от того, в какой мере областными юридическими курсам оказано соответствующее содействие партийными, общественными и советскими организациями.

К сожалению, это содействие оказывается не всегда в достаточной степени. Курсы находятся не в удовлетворительном материальном положении как в части финансирования по смете, так и в части материальной обеспеченности состава курсантов госпитальней и содержанием их семейств за счет учреждений и предприятий по местам их прежней службы и работы.

Смета на 1925—26 бюджетный год утверждена с максимальной урезкой в части даже неотложных нужд курсов. К весне курсы должны выпустить подготовленных для низового судебного аппарата 75—80 работников, но на пути осуществления ими этой задачи стоят препятствия чисто материального свойства, ставящие под угрозу нарушения работы курсов во второй и самой ответственной половине их деятельности.

Будем надеяться, что положение курсов будет улучшено рядом конкретных мероприятий со стороны соответствующих центральных и областных руководящих органов.

А. Агалаков.

г. Пермь.

== БИБЛИОГРАФИЯ ==

«Систематическое собрание действующих законов Союза Советских Социалистических Республик». Книга первая. Политический строй. По законодательству на 1 октября 1925 г. (по № 65 «Собр. Зак.»). Издается под наблюдением Ком. Законод. Предпол. при СНК СССР. Упр. Дел. СНК СССР. Москва, 1926 г., стр. XV+422.

Значение книги, заглавие которой приведено выше, определяется двумя задачами, принятыми на себя ее составителями, — задачами столь же важными и ответственными, сколь и нелегкими. Прежде всего, само обилие подлежащего «разбору» и систематизации законодательного материала: в двух официальных его собраниях «Вестнике ЦИК, СНК и СТО Союза ССР» и «Собр. Зак. Рабоче-Крестьянского Правительства Союза ССР» — опубликовано за время по август—сентябрь 1925 г. (представленная составителями грань—65 № «Собр. Зак.»— вряд ли принципиально правильна)—1381 узаконение. А ведь к этой огромной массе законодательного материала надо прибавить немалое количество законов союзного действия, издававшихся законодательными органами РСФСР и обязательными в силу союзных договоров для всех республик, ныне вошедших в состав Союза ССР, а также законодательных постановлений, вовсе не опубликованных, но подлежащих включению в «Собрание». Несовершенство законодательной техники приводит часто к тому, что ряд законодательных актов формально не отменен, хотя явно утратил свою силу. Следует, впрочем, оговориться, что с принятым в настоящее время порядком издания особых списков или перечней узаконений, утративших силу с изданием того или иного крупного законодательного акта, положение значительно улучшилось; однако, в отношении многих актуальных вопросов законодательства такой просмотр еще не проведен. То же несовершенство техники (особенно в до-союзный период законодательства) приводило к явным ошибкам и анахронизмам, которые из «Систематического Собрания» должны быть устранены. Очевидно, при таких обстоятельствах задача дать действующее, и только действующее, право представляет большие трудности.

Не менее сложна и ответственна задача систематики—такая свodka законодательного материала, которая удовлетворяла бы и научным приемам его распространения и особенностям советского законодательства.

От составителей не ускользнула сложность и трудность изложенных задач; свой труд они считают лишь первым шагом по пути инкорпорации, т. е. сводки действующих законов в систематически связанной форме. Признавая, что систематизация законодательства требует «пристальных, кропотливых и довольно длительных подготовительных работ», они считают с возможностью недочетов и упущений и признают целью издания привлечение к вопросам систематизации общественного мнения страны.

Следует признать, судя по первому тому предполагаемого пятитомного «Собрания», что в общем и целом составители—редакционная коллегия из лиц, ближайшим образом прикосновенных к делу подготовки законодательных актов Союза ССР, их опубликования и систематизации, со своей задачей справились.

Всякая систематика предполагает наличие определенного плана. Такой план всего издания помещен в первом же томе. При выработке его авторы руководствовались, по их словам, правилом не материал подгонять к отвлеченно-логическому плану, а, наоборот, при построении

плана отталкиваться от материала. Признавая, что в конституционной компетенции Союза легко выделяются три различных круга полномочий: политического, хозяйственного и чисто-культурного строительства, и что полезно выделить по различным соображениям специальный финансовый концентр и судебный строй, авторы плана расположили весь законодательный материал по пяти разделам или книгам. При ближайшем, однако, рассмотрении основ плана оказывается некоторая его искусственность. Уже само выделение актов финансово-бюджетного строя из актов хозяйственного строя не представляется обоснованным. Очевидно, обилие актов само по себе не может служить основанием для такого выделения; соображения обилия или скудости материала вряд ли могут служить руководящей нитью в научной систематизации. А что касается особого характера бюджетного хозяйства (?), то не меньше особенности представляет трудовое право, акты по которому оказались, однако, включенными в раздел «Хозяйственного строя». Затем по поводу включения в книгу первую («Политический строй») актов, относящихся к уголовному праву, на том основании, что уголовная репрессия является атрибутом государства, следует заметить, что в неменьшей степени функцией государственной власти является вообще организация системы судов, призванных именно охранять политический строй (срав. ст. 1 «Основ судостроительства Союза ССР и союзных республик» и ст. 1 Положения о судостроительстве РСФСР). Вообще в условиях советской государственности и социалистического строительства говорить лишь о трех атрибутах государства—военной силе, административной репрессии и уголовной репрессии—вряд ли представляется правильным.

Отвлеченно-логический характер плана находит свое подтверждение и в ряде его рубрик, не имеющих своего основания в действующем законодательстве. Если специальные рубрики об основах гражданского права, землеустройства и др. имеют оправдание своего существования в специальных нормах конституционного права, предусматривающих издание таковых основ, а узаконения, обозначенные под другими рубриками, заканчиваются разработкой в КЗП (Консульский устав), то предвосхищение издания других актов, вопрос о которых еще не предпринят (например, акты о прокуратуре) или указание в плане таких рубрик, по которым таких отдельных актов не имеется (напр., лит. «е» и «н» гл. IV книги первой—военный флот и военная санитария — срав. прим. на стр. 361 и 362 «Собрания») вряд ли следовало допустить, если отталкиваться исключительно от имеющегося законодательного материала.

Таков план. Авторы отчасти сознают его несовершенство, но лишь отчасти, предвзяв возможность впоследствии «небольших передвижек и добавлений литер, не меняющих общей схемы». Мы же полагаем, что необходимы и убавления литер (напр., лит. «б» гл. XXI—«Основы организации коллегий защитников и нотариата») и даже изменение самой схемы.

Мы потому так подробно остановились на рассмотрении плана, что в издании, подобном настоящему, наличие подробного, строго продуманного и построенного на конкретном законодательном материале плана составляет уже значительную часть работы. Однако, не менее важно и выполнение плана.

О трудностях, стоявших перед составителями «Собрания», мы уже говорили. Они, конечно, преодолимы. В задачи составителей входило исключительно четкое отграничение подлежащего включению в сборник материала. В первую очередь, конечно, материала, опубликованного в официальных периодических изданиях «Вестнике» и «Собр. Законов». Но п. 2 постановления ЦИК и СНК СССР от 22 августа 1924 г. («Собр. Зак. СССР» 1924 г., № 7, ст. 71), предусматривает две категории постановлений, опубликованию в «Собр. Законов» не подлежащих. Такие постановления либо сообщаются органам, коим они касаются, в виде выписок из протокола, либо опубликовываются в ведомственных органах. Большая заслуга составителей в том и состоит, что ими ряд постановлений такого характера опубликован впервые во всеобщее сведение, от чего «Собрание» значительно выигрывает в своей полноте. Укажем, хотя бы на положение о Государственной Плановой Комиссии (Госплане), утвержденное 21 августа 1925 г., об изменении редакции ст. 45 положения о ЦИК, издавшее в целях согласования с изменениями Конституции СССР, принятыми III Съездом Советов от 20 мая 1925 г.

Гораздо больше трудностей представляет определение того, какие именно акты РСФСР должны быть признаны имеющими союзное действие. Компетенция законодательных органов РСФСР в отношении издания таких актов имела двойное основание. До возникновения Союза ССР (т.-е. до I Съезда Советов Союза 30 декабря 1922 г.) таким основанием служили союзные договоры, устанавливавшие те предметы, по которым высшие органы РСФСР были уполномочены издавать акты, обязательные и для союзных республик. После же установления Союза, но до II сессии ЦИК Союза в июле 1923 г. полномочия на издание декретов и постановлений, обязательных для всего Союза ССР, переданы были ВЦИК и его Президиуму специальным постановлением I сессии ЦИК Союза («Стенограф. отчет I Съезда Советов», ч. II, стр. 4). Постановлением же Президиума ЦИК Союза ССР от 13 июля 1923 г. («Собр. Узак. РСФСР» 1923 г., № 82, ст. 796) все постановления, изданные ВЦИК и его Президиумом и получившие распространение по изложенным двум основаниям на территории всего Союза, сохранили силу и впредь.

Мы не будем за недостатком места подробно останавливаться на подробном рассмотрении спорных вопросов и возможности отнесения того или иного акта к законам союзного действия. Мы считаем, что чисто формальный прием, употребляемый для этого составителями «Собрания», заслуживает большего внимания. В «Собрание» включены также акты РСФСР, в которые внесены частичные изменения или дополнения законодательством Союза, либо те, которые содержат прямое указание на распространение их также на союзные республики. Конечно, и эти формальные признаки не могут быть признаны абсолютными. Так, в положение о векселях ВЦИК и СНК РСФСР от 20 марта 1922 г. вошел пункт изменения и в порядке союзного законодательства (постановление СНК Союза ССР от 24 июля, 31 июля и 15 сентября 1923 г.—«Собр. Узак. РСФСР» № 85, ст. 834, № 90, ст. 882, и № 101, ст. 1010), и в порядке законодательства РСФСР (постановление ВЦИК РСФСР от 6 июля 1924 г., № 51, ст. 490). Мы с нетерпением будем

ждать выхода в свет второй книги «Собрания», где под лит. «в» гл. VI должно фигурировать вексельное право. Имея же в виду оговорку составителей о чисто-техническом характере издания, как подготовительного к предстоящей инкорпорации и кодификации, мы не будем слишком строги и в рамках краткой рецензии не будем заниматься разрешением спорных и сложных вопросов конституционного права, требующих специального рассмотрения.

Против чего нельзя, однако, не возразить самым категорическим образом, так это против временами свободного обращения с текстом узаконений путем внесения в него таких изменений, которые в законодательном порядке не утверждены. Хотя это, повидимому, признается «исправлением явных ошибок и анахронизмов», как одним из методов инкорпорационной обработки, о которых говорится в предисловии к «Собранию», но мы полагаем, что гораздо правильнее было бы не внесение исправлений в самый текст закона с соответствующей оговоркой в подстрочном примечании, а метод как раз обратный: сохранение текста закона неизменным с указанием в примечании, почему именно то или иное место текста должно быть признано ошибочным или устаревшим. Исправлять закон может только законодатель — этого принципа следовало бы держаться и составителям сборника, хотя и изданного под наблюдением Комиссии Законодательных Предположений, но не получившего законодательной санкции. Иначе возможны недоразумения, и немалые. Сошлемся на факт последних дней. Ст. 2 положения о Совете Труда и Обороне от 21 августа 1923 г. («Собр. Узак. РСФСР» 1923 г., № 95, ст. 946) гласит текстуально следующее: «Председателем Совета Труда и Обороне является Председатель Совета Народных Комиссаров Союза ССР. Состав его назначается персонально Советом Народных Комиссаров». Первая фраза приведенной статьи исключена редакторами «Собрания», как потерявшая, по их мнению, силу после постановления сессии ЦИК от 1 февраля 1924 г. о назначении отдельного Председателя СТО. Однако, постановление Президиума ЦИК Союза от 16 января 1926 г. («Изв. ЦИК СССР», № 14), ссылаясь именно на никаким законодательным актом неизмененную редакцию ст. 2, подтверждает, что на точном основании этой статьи Председателем СТО является Председатель СНК. Очевидно, актом сессии ЦИК не был отменен закон, а лишь приостановлено его действие. Это же обстоятельство, конечно, не могло служить основанием для «исправления» закона редакторами рецензируемого «Собрания».

С точки зрения технического выполнения, всячески одобряя принятую «Собранием» систему ссылок, при которой текст закона, имеющего отношение к нескольким рубрикам плана, помещается в части «Собрания», наиболее тесно с ним связанной, мы не можем не указать на заметную местами некоторую случайность как в помещении, так и в отсутствии таковых ссылок.

Изложенные замечания не имели целью в чем-либо поколебать значение «Собрания», как первого опыта заслуживающей этого названия систематизации законодательства. Этот опыт должен быть поддержан и продолжен. И не только в союзном, но и в республиканском масштабе.

М. Брагинский,

ОФИЦИАЛЬНАЯ ЧАСТЬ.

== СО Д Е Р Ж А Н И Е ==

Циркуляры НКЮ: 30, 38.

Циркуляры Наркомюста.

Циркуляр № 30.

Краевым, обл. и губ. прокурорам.

Копия: ПРЕДСЕДАТЕЛЯМ СУДОВ И НКЮ АВТОНОМНЫХ РЕСПУБЛИК.

Систематический перечень потерявших силу циркуляров, изданных НКЮ по Отделу Прокуратуры с 1922 г. по 1925 г.

Отменяются, как устаревшие или имевшие временное значение, а также в силу последующего изменения закона, нижеследующие циркуляры.

№№ циркул.
с указанием
№№ «Е. С. Ю.»¹⁾

СОДЕРЖАНИЕ ЦИРКУЛЯРОВ.

1922 год:

104/37—38 О воспреещении сборов в пользу учреждений без разрешения СНК (за силою декрета от 29/VIII—24)

170/37—38 О работе прокуратуры по общему надзору (как устаревший).

107/37—38 Инструкция о возвращении национализ. мельнич. предприятий их владельцам (за силою декрета ВЦИК и СНК от 24/VI II—25 г.—«С. У.» № 58—25 г.).

134/42 О предоставлении на распоряжение Прокуратуры Республики опротестованных губпрокурорами и нерассмотренных в 2-недельный срок обязательных постановлений (за силою циркул. ВЦИК № 495/496—«ЕСЮ» № 42/43—25 г.).

1923 год:

7/2 Об исправлении §§ 35, 37, 38, 39 инстр. НКЮ о внутреннем распорядке работ (за силою циркул. № 255—23 г. и пол. о судоустройстве).

8/2 О запрещении опубликования материалов следствия, дознаний и ревизий в печати (за силою ст. 104 п. „в“ УК и 115 ст. УПК).

45/10 О воспреещении организации «летучих трибуналов» для разбора отдельных дел (за расформированием трибуналов).

81/17 О праве опротестования прокурорами в кассационном порядке приговоров суда по делам, переданным на рассмотрение суда прокурором или органами дознания (за силою ст. ст. 349 и 381 УПК).

Примечание
в 1 части и
полностью 2 ч.
№ 217/41.

Об востребовании дел в порядке надзора (за силою 254 ст. ГПК в нов. ред. и циркул. № 259—25 г.).

№№ циркул.
с указанием
№№ «Е. С. Ю.»¹⁾

СОДЕРЖАНИЕ ЦИРКУЛЯРОВ.

221/42

О подсудности по ч. 98 ст. УК (за силою 26 ст. УПК).

222/42

О подсудности по 1 ч. 108 ст. УК (за силою 26 ст. УПК).

240/45

Об опечатке в карательной санкции ч. 2 ст. 112 УК (за силою 2 ч. 112 ст. УК в нов. ред.).

243/45

О порядке избрания меры пресечения отношении налоговых работников, обвиняемых в должностных преступлениях (как обусловленный временной необходимостью).

247/47

О неприведении в исполнение постановлений упраздненных комиссий по борьбе с дезертизмом и отделений губревтрибуналов по дезертирским делам в части конфискации имущества дезертиров (как устаревший).

1924 год:

7/1—2

О мероприятиях по находящимся в течение продолжительного времени без движения делам о привлеченных к ответственности и содержащихся под стражей лицах, числящихся содержанием за судебно-следственными органами (за силою циркул. № 16 и 197—25 г.).

24/5

О применении разъяснения ВЦИК к декрету ВЦИК и СНК от 13/VI—23 г. о квартирн. плате (за силою последн. декретов от 21/VII—24 г., 1/VII—25 г., 9/XI—25 г.).

39/14

О запрещении волисполкомам принимать для засвидетельствования подлинности подписей документы, подлежащие засвидетельствованию в нотариальном порядке (за силою пол. о ВИК).

48/15

О применении свыше 3 мес. в качестве меры пресечения содержания под стражей (за силою 158 ст. УПК в нов. ред.).

59/18

Об оказании помощи увольняемым в запас красноармейцам и использовании их в деле укрепления сов. и хоз. строительства (за силою Кодекса о льготах).

144/35—36

О наблюдении прокуратуры за проведением в жизнь чрезвычайных мероприятий по оказанию помощи пострадавшему от неурожаа населению (как имевший временный характер).

169/41

О реорганизации делопроизводства местных прокуратур (за силою циркул. № 82—25 г.).

193/45

О рационализации делопроизводства (за силою циркул. № 82—25 г.).

¹⁾ В числителе № циркуляра, в знаменателе № «ЕСЮ».

№№ циркуляр. с указанием №№ «Е.С.Ю.»	СОДЕРЖАНИЕ ЦИРКУЛЯРОВ.
206/46	О проведении в жизнь постановлений II сессии ВЦИК XI созыва об изменениях и дополнениях УК и УПК (как временного характера).
223/50	О приостановлении всяких действий по изъятию мельнично-крупных предприятий от их фактических владельцев впредь до опубликования постановления по этому предмету (за силою декр. ВЦИК и СНК от 24/VIII - 25 г.—„С. У.“ № 58—45 г.).
	1925 год:
19/3	О погашении задолженности компомов за марки и издания, которые были им переданы для реализации бывш. издательства Всерокомпома (как имевший временный характер).
23/3	Об обязанности губпрокуроров сообщать в Отдел Прокуратуры НКЮ о всех случаях убийств и избиений рабноров и селькоров и всех работников низового аппарата (в виду погашения последующим циркуляром № 258—25 г.—„ЕСЮ“ № 1).
40/7	Об обязательном производстве предварительного следствия по делам, предусмотренным 2 ч. ст. 106 УК (за силою 180 ст. УПК в нов. ред.).

Народный Комиссар Юстиции и Прокурор Республики
Мурский.
16 февраля 1926 года.

Циркуляр № 38.

Всем наркомюстам АССР, крайевым, обл. и губ. судам и прокурорам.

О VI Всероссийском Съезде работников советской юстиции.

Созыв VI Всероссийского Съезда работников советской юстиции Коллегией НКЮ РСФСР назначен на 12 апреля 1926 года.

На повестку Съезда НКЮ ставит следующие доклады:

I. Доклады НКЮ:

а) Доклад об основных моментах работы НКЮ и ближайших задачах по укреплению начал революционной законности;

б) доклад об организации и работе прокуратуры в связи с укреплением начал революционной законности;

в) доклад об организации и работе судебного аппарата в связи с укреплением основ революционной законности.

II. Проект Комиссии ЦИК Союза ССР об организации прокуратуры Союза ССР.

III. Доклад о краевых судебных органах и органах прокуратуры в связи с районированием РСФСР.

IV. Доклад Верховного Суда РСФСР об основных принципах уголовной и гражданской судебной политики.

V. Доклад о практике применения Угол.-Проц. Кодекса, в связи с предложением о его упрощении.

VI. Доклад о новой редакции Угол. Кодекса.

VII. Доклад о Кодексе законов о браке, семье и опеке.

VIII. Доклад о применении НОТ в органах юстиции.

IX. Доклад об учете опыта издания «Ежен. Сов. Юст.» и др. изданий НКЮ и мерах улучшения изданий по советскому праву.

Норма представительства на Съезде установлена нижеследующая:

а) весь состав Верховного Суда РСФСР и прокурорский надзор;

б) наркомюсты автономных ССР и председатели главсудов;

в) из губерний и автономных областей: председатель губсуда (облсуда), губернский (областной) прокурор и 3 местных работника: народный судья, пом. прокурора и нарследователя;

г) из краевых (Урал, Сибирь, Сев. Кавказ): председатель краевого суда, прокурор края, председатели постоянных сессий, старшие пом. прокурора округов этих сессий и по 9 местных работников: 3 нарсудьи, 3 пом. прокурора и 3 нарследователя;

д) до 10 заместителей председателей губсуда (облсуда) по гражданскому отделу по персональному вызову Наркомюста.

Порядок избрания в качестве делегатов на Съезд нарсудей определяется губернскими, областными или краевыми судами, пом. прокуроров—прокурорами, а народных следователей—губернскими, областными и краевыми судами, по соглашению с соответствующим прокурором.

При этом крайне желательно, чтобы эти работники избирались по каждой из губерний (областей, краю) от различных уездов и округов и преимущественно из работающих вне губернского (областного, краевого) центра.

Никаких командировок на Съезд вне вышеуказанных норм, хотя бы с правом лишь совещательного голоса, безусловно не допускается.

Народный Комиссар Юстиции и Прокурор Республики
Мурский.

Член Коллегии НКЮ Бранденбургский.

27 февраля 1926 года.

Издатель { Юрическое Издательство
НКЮ РСФСР.

Ответственный Редактор { Н. Крыленко.
Редакционная Коллегия { Я. Бранденбургский.
С. Прушицкий.